

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФБГОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Лингвостилистический и аксиологический аспекты
исследования темы «Чтение книг» в художественном дискурсе

Выпускная квалификационная работа по направлению

44.04.01. Педагогическое образование

Направленность программы магистратуры

«Языковое образование (английский язык)»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:
76,92% авторского текста

Работа рекомендована/ не
рекомендована

к защите
«1» марта 2025 г.
зав. кафедрой английской филологии
Афанасьева Ольга Юрьевна

Выполнил(а):

Студентка группы ЗФ 303-215-2-1
Панченко Екатерина Игоревна

Научный руководитель:
к.н.ф., доцент ЮУрГГПУ
Курочкина Мария Анатольевна

Челябинск
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ТЕМЫ «ЧТЕНИЕ КНИГ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	10
1.1 Понятие художественного дискурса	10
1.2 Аксиологический подход в исследовании художественного дискурса	17
1.3. Теоретические основы лингвостилистического анализа.....	22
1.4. Метафорические модели как носители аксиологической картины мира.....	25
Вывод по первой главе	30
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЧТЕНИЯ КНИГ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	32
2.1. Лексико–стилистическая репрезентация темы чтения и книг в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»	33
2.2. Лексико–стилистическая репрезентация темы чтения и книг в романе М. Зусак «Книжный вор»	44
2.3. Лексико–стилистическая репрезентация темы чтения и книг в романе Корнелии Функе «Чернильное сердце»	52
2.4. Анализ метафорических моделей актуализирующих тему книг и чтения.....	62
2.5. Методический комплекс упражнений на основе анализа лингвостилистических и аксиологических аспектов темы «Чтение книг» в художественном дискурсе	70
Вывод по второй главе	77

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	79
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	81
ПРИЛОЖЕНИЕ	88

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена исследованию темы книг и чтения в художественном дискурсе с точки зрения лингвостилистического и аксиологического аспектов. Исследование включает анализ ценностных ориентиров, связанных с данной сферой, и выявление лингвостилистических средств их актуализации в современных англоязычных текстах художественной литературы.

Актуальность исследования обусловлена важностью чтения в образовательных организациях на фоне падающего интереса, особенно к произведениям художественной литературы. Наблюдается переключение внимания современного читателя на произведения «легкого чтения», такие как комиксы, блоги, фанфики, с выраженным клиповым характером повествования. Современные авторы художественной литературы выражают беспокойство вокруг этой тенденции, и будет интересно проследить, какие средства языка объективирует их тревожность.

Аксиология в наши дни является одной из ведущих отраслей, развиваемой лингвистами-исследователями. Тема исследования является важной и актуальной для анализа в русле не только академической, но и социальной и культурной перспективы. Падение интереса к классическому роману указывает на глубокий когнитивный сдвиг в лингвокультуре и является глобальной тенденцией. Актуальность данной тематики обусловлена также большим числом произведений, освещающих эту проблематику.

Обеспокоенность интеллектуальных кругов падением интереса к чтению выражается в многочисленных социокультурных проектах, направленных на поддержание авторитетности художественной литературы. ‘One City - One book’, «Буккроссинг» (Bookcrossing), встречи с авторами в книжных магазинах и др.

Исследование лингвостилистических аспектов позволяет провести анализ лексических, грамматических, стилистических, и текстуальных особенностей художественного текста, связанного с темой книг и чтения. Подчеркнуто выраженная тематика книг и чтения в художественном дискурсе также демонстрирует очевидную связь между литературой и социальными ценностями, что является предметом аксиологических работ.

Итак, предлагаемое исследование данной темы привлечет внимание научного сообщества, позволит осветить лингвистические и культурные аспекты обозначенной проблемы, и поможет понять их влияние на социальное сознание общества. Общеизвестно, что современная лингвистическая парадигма в большей степени посвящена проблематике области дискурса.

Научная новизна заключается в том, что показана роль лексико-стилистических средств как носителей аксиологических смыслов в художественном дискурсе на тему книг и чтения. Исследование включает в себя произведения художественной литературы, а именно романы-бестселлеры, в которых чтение книг является ключевым аспектом, что позволяет рассмотреть тему ценностных ориентаций и формирования мировоззрения и нравственности читателей и общества в целом через призму лингвостилистического анализа. Привлечение фрейм-слотового анализа также представляется частью нового подхода в лингвистических работах.

Объект исследования: художественный дискурс, романов-бестселлеров зарубежных авторов, с тематикой книг и чтения.

Предмет исследования: языковые единицы, представляющие лингвостилистические и аксиологические особенности художественного дискурса о чтении книг.

Цель исследования: провести анализ и систематизацию средств языка, актуализирующих лингвостилистические и аксиологические характеристики темы книг и чтения в художественном дискурсе, и сделать

вывод о наиболее значимых выразительных средствах языка и ключевых аксиологемах, репрезентирующих данную сферу.

В соответствии с названной целью предполагается выполнение следующих задач:

1. Рассмотреть существующие подходы к описанию особенностей художественного дискурса.

2. Сделать обзор научных работ, посвященных аксиологическому аспекту исследования; ознакомиться с его ключевыми понятиями, выделить единицы аксиологического анализа.

3. Осветить алгоритм лингвостилистического анализа, уделив внимание метафоре, как ведущему средству выразительности и ключевому механизму формирования аксиологических смыслов. Подробно представить метафорические модели в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

4. Методом сплошной выборки составить картотеку примеров художественного дискурса, содержащих контексты с исследуемой тематикой.

5. Провести лексикостилистический анализ языковых единиц, репрезентирующих тему книг и чтения, и сделать вывод об их аксиологической значимости для данного вида дискурса.

6. Изучить и систематизировать метафорические модели, сопровождающие тему книг и чтения в художественном дискурсе.

7. Рассмотреть возможности применения результатов исследования в образовательном процессе и разработать систему заданий для развития коммуникативных умений и навыков.

Для реализации поставленных задач в работе используются следующие методы:

- 1) метод лингвистического наблюдения и описания;
- 2) метод сплошной выборки;
- 3) метод классификации;

- 4) метод лингвостилистического анализа;
- 5) метод аксиологического анализа;
- 6) метод сопоставительного анализа;
- 7) квантитативный метод;
- 8) метод контекстуального анализа;
- 9) метод дискурсивного анализа;
- 10) метод математической обработки результатов исследования.

Теоретической базой исследования послужили работы современных исследователей в области художественного дискурса, таких как: Ю. Хабермас, Э. Беневист, Т. Ван Дейк, А. Н. Мороховский, В. А. Звегинцев, В. С. Григорьева, И. П. Сусов, Ф. С. Бацевич, В. Г. Борботько и многими другими. Изучением художественного дискурса занимались: Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, Н. Л. Галеева, В. А. Миловидов, Н. А. Кулибина, В. Тюп, Джон Р. Серль. Отбор метафорических моделей был основан на когнитивной теории Дж. Лакофф и М. Джонсона (Метафоры, которыми мы живем). Исследованием метафоры занимались также такие лингвисты, как Н.Д. Арутюнова, А.П. Чудинов

Проблематику аксиологии в лингвистике разрабатывали: С.Г. Павлов, Е.М. Вольф и др.

Практической базой исследования послужили художественные тексты, такие как: «451 градус по Фаренгейту» (Рэй Брэдбери), «Книжный вор» (Маркус Зусак), «Чернильное сердце» (Корнелия Функе), общим объемом 1434 страницы.

Описание процесса чтения в данных произведениях насыщены стилистическими приемами и выразительными средствами. Данные единицы емко и наглядно отражают основные черты художественного дискурса и несут аксиологические смыслы, поэтому служат ценным исследовательским материалом.

Творческие работы данных писателей также интересуют многих исследователей, так как они являются современными и малоизученными с точки зрения лингвостилистического и аксиологического аспектов.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет раскрыть аспекты темы книг и чтения в художественных текстах и проанализировать их значение для литературы.

Исследование поможет разобраться, как в данных романах используется тема книг и чтения, ее связь с глубинными ценностями и идеями, влияние на формирование аксиологического знания у читателя, важнейшим из которых выступает метафора.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при написании учебных и методических пособий по изучению художественного дискурса о книгах, а также применены в образовательном процессе в рамках темы чтения и книг. Результаты исследования могут быть полезны для литературоведов, культурологов, лингвистов и других специалистов, изучающих взаимосвязь литературы, культуры и общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Метафоры выступают центральным инструментом формирования аксиологического знания в художественном дискурсе на тему чтения книг.

2. Среди метафорических моделей, представляющих тему чтения книг наиболее частотна природоморфная модель, что говорит о связи книг и природы, подчеркивает хрупкость книг, их мудрость как носителей вечных ценностей.

3. Важным компонентом лексикостилистической репрезентации темы книг и чтения в современном художественном дискурсе выступают аллюзии и цитаты, подчеркивающие единство мирового культурного и литературного пространства.

4. Тема книг и чтения в англоязычном художественном дискурсе чаще всего репрезентируется через глагольную семантику с преобладанием

метафорического значения, что представляет книги как одушевленные создания, а процесс чтения как общение и взаимодействие.

5. Ведущими аксиологическими смыслами выступают следующие: книги как источник знаний и мудрости, как поиск идентичности, спасение и утешение, критика общества.

6. Разработанная система упражнений способствует не только обогащению лексического запаса, но и развивает творческое мышление обучающихся.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ТЕМЫ «ЧТЕНИЕ КНИГ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

1.1 Понятие художественного дискурса

В число основных понятий, которые формируют современную лингвистику, входит термин «дискурс». Данное понятие интерпретируется различными способами на протяжении всего своего существования, в результате этого отсутствует универсальное определение на современном этапе научного знания [21]. Данный термин находится в тесном соотношении с базовыми понятиями лингвистики: «язык», «речь», «речевая деятельность», «текст», «речевое высказывание», что позволяет определить сферу значений термина, однако, он создаёт ложное представление об идентичности этих явлений [43]. Вариативность содержания понятия обусловлена целями исследований и отсутствием чёткого понимания дискурса.

Высокоактивная исследовательская деятельность ученых – лингвистов в этой области породила множество подходов к изучению и употреблению этого понятия. Например, А. А. Кибрик и П. Б. Паршин исследуют три класса употребления дискурса [29]. К первому классу они относят лингвистические понятия термина. Самым первым его использовал З. Харрис в своей статье «Дискурс–анализ» [56].

Данный термин употребляется из-за необходимости уточнить и развить традиционные понятия речи, диалога и текста.

Второй класс употреблений уточняет традиционное понимание собственного стиля и речи. Этот термин изображает способ говорения и имеет принадлежность — «какой» или «чей». В обосновании этого термина

большую роль сыграли А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева М. Пешё и другие [2].

Третье употребление имеет отношение к немецкому философу и социологу Ю. Хабермасу [42].

Н. Д. Арутюновой считает связным текстом, речь здесь рассматривается как целенаправленное социальное явление [3].

Основными свойствами дискурса она считает следующие:

- 1) существование устной и письменной форм,
- 2) ситуативная и культурно–социальная связь,
- 3) связь с когнитивными процессами,
- 4) интерактивность [3].

В. И. Карасик выделяет следующие способы изучения дискурса:

1) имманентно-лингвистический подход – это подход к дискурсу со стороны языкового материала, лексико- грамматического аспекта;

2) социолингвистический подход, который рассматривается с позиции участников общения;

3) прагмалингвистический подход, который учитывает «вариативные характеристики речи, связанные с личностью говорящего и используемыми способами и средствами общения» [26].

Основными аспектами изучения дискурса, которые учитывают его наиболее важные признаки Е. С. Кубрякова называет:

1) «связь дискурса с общением, с реальной речевой коммуникацией и его интеракциональным характером»;

2) классификацию «типов дискурса и выделение этих отдельных типов»;

3) «попытку описания отдельно взятых дискурсов» [32].

Д. Шифрин определяет три способа изучения дискурса:

1) дискурс со стороны системно–структурной лингвистики, то есть дискурс – это «язык выше уровня предложения или словосочетания»;

2) дискурс со стороны функционализма, то есть дискурс – это любое «употребление языка», этот подход предусматривает изучение социокультурного контекста;

3) «дискурс как высказывание» – взаимосвязь формы и функции.

Другими словами, дискурс – это набор функционально организованных частиц употребления языка в контексте. Нам близка третья позиция автора, где выражены формалистические и функциональные аспекты понимания дискурса [66].

В семидесятые годы 20 века лингвисты–филологи постарались разграничить понятия дискурс и текст. Ученые предлагали понимать дискурс как «текст плюс ситуация», а текст как «дискурс минус ситуация». Некоторые придерживаются мнения, что дискурс – это способ общения двух и более человек, в то время как текст – это продукт одного человека, автора. Таким образом, формируется такое противопоставление, как монолог – диалог. Известно, что текст и дискурс дополняют друг друга, но в последнее время некоторые лингвисты утверждают, что эти понятия противопоставлены по таким критериям, как функциональность (структурность, процесс), продукт, динамичность (статичность и актуальность) виртуальность. Значит, можно говорить о различии структурного текста как продукта и функционального дискурса как процесса.

Термином «дискурс» (*discjurs* фр.) на данном этапе обозначают текст в речи. Лингвистический словарь дает следующее толкование: «дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь как целенаправленное социальное действие». Дискурс – это речь, погруженная в жизнь, поэтому термин «дискурс» невозможно применить к текстам, в которых не прослеживается связь с жизнью». [3]

Ю.Степанов утверждает, что «Дискурс – это «язык в языке». «Дискурс имеет право на реальное существование, но не как определенная «грамматика» или «лексикон», а просто в виде реального языка, речи. Дискурс проявляется в тех текстах, где есть только данному тексту присущая грамматика, лексикон, необычный синтаксис и семантика». Другими словами, это особый, иной мир. В любом дискурсе действуют свои правила подбора синонимов, как и «свои правила истинности и свой этикет». «Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа», «Язык – дом бытия». [59]

Соотношение понятий «текст» и «дискурс постараемся осмыслить, опираясь на мнения лингвистов. К.Я.Сигал приходит к мнению, что «текст является особой формой взаимодействия знаний, организованный категориями цельности, связности, модальности и их субкатегориями» [61]. Ученый считает «дискурс лингвоспецифическим явлением, обладающим развернутым в тексте набором языковых единиц, демонстрирующим правила их образования и использования» [61].

Н.В.Малычева, рассматривая текст и дискурс как единое целое, выделяет их различные стороны. Она утверждает, что данные понятия обозначают разные явления. «Если дискурс требует отбора языковых средств, которые должны соответствовать и стилю, и жанру, то текст является результатом такого отбора и выбора нужной модели». По мнению автора, «дискурс является более широким понятием, по сравнению с текстом, так как способен охватить и процесс, и результат языковой деятельности». Еще одно отличие текста от дискурса состоит в том, что текст, воспроизводиться может неоднократно, а дискурс явление, которое в произведении можно употребить только один раз [43].

«Текст – это поликоммуникативная и политематичная единица, которая включает в себя сложные синтаксические целые и самостоятельные предложения, обладает структурной завершенностью и формирует

концептуально значимый смысл, содержащий коммуникативно и когнитивно значимый фрагмент действительности». [43]

Существует множество трактовок понятия «дискурс», но дифференцировать понятия «текст» и «дискурс», опираясь на данные трактовки, невозможно. Ясно, что как текст не может являться разновидностью дискурса, так и дискурс не разновидность текста. Эти понятия состоят в родовидовых отношениях. «Дискурс не является промежуточным явлением между речью, общением и языковым поведением или промежуточным звеном между системой и текстом, это не есть текст в совокупности с экстралингвистическими параметрами, равно как и текст не является дискурсом за вычетом этих параметров». Таким образом, приходим к выводу, что текст и дискурс равноправны.

В.И.Карасик, проведя анализ многочисленных определений термина «дискурс», пришел к выводу, что «Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык» [31] Далее автор заключает:

«Анализ дискурса – междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, стилистики и философии. Анализ дискурса осуществляется с различных позиций, но всех исследователей объединяют следующие предпосылки:

1) статическая модель текста является слишком простой и не соответствует его природе;

2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации;

3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте;

4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения;

5) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений. Главными из которых являются порождение и интерпретация текста;

б) дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в сухом остатке общения, с другой стороны.

Таким образом, дискурс имеет множество омонимичных значений: диалог, связный текст, речевое произведение в устной или письменной форме, разговорная устная форма текста. При помощи дискурса рождается контекст, в котором содержится описание героев произведения, поступки, ситуации. Разные речевые ситуации в одном и том же тексте порождают разные дискурсы. Текст, в устах говорящего становится сообщением, которое принадлежит только ему и проникнуто индивидуальным смыслом. По мнению Масловой, «приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им чужих текстов», так как «тексты являются истинными хранителями культуры» [42].

Выделяется также множество вариантов классификации и типологии дискурса. Единой классификации дискурса не существует. В своем исследовании мы придерживаемся точки зрения В. И. Карасика. По его мнению, в основе любого дискурса положены параметры, составляющие структуру дискурса [26]:

тональность, стиль, форма общения, сфера общения, тематика коммуникации;

1) участники с точки зрения их ситуационно – коммуникативных и статусно–ролевых образов;

2) коммуникативная сфера, место коммуникации.

В качестве таксономических параметров классификации дискурсов предлагаются следующие группы критериев:

1) модус, жанр, функциональные стили, формальность;

2) интенция, целевая установка, текстовая модальность.

В. Б. Кашкин исследует содержательные и структурные виды дискурса. Структурно–формальная классификация дискурса происходит на основе анализа кодирования, сообщения, участников дискурса, направления утверждения [22].

Они могут подразделяться на текстуальные и ситуационные, где ситуационные спонтанны и определены конкретной ситуацией.

А. Л. Загнитко разделяет дискурсы на адресатные и безадресатные, где адресат — это не особое лицо, а концепт реципиента [23].

О. Ф. Русакова выделяет типы дискурсов: дискурсы повседневного общения, публичный, политический, медиа–дискурсы, арт–дискурсы, институциональные, дискурс деловых коммуникаций, маркетинговые, культурно – мировоззренческие, академические [47].

Можно сделать вывод, что существует большое количество классификаций, список которых невозможно представить из-за большого объема самого понятия. Художественный дискурс – это один из видов дискурса, где общение происходит при помощи произведений художественной литературы.

Принцип диалога позволяет выявить в художественном дискурсе интертекстовое начало [40].

Закономерным становится вопрос о возможностях реципиента увидеть и правильно истолковать проведенные автором интертекстуальные связи.

Маркированность играет важную роль и подразумевает наличие на фонетическом, лексическом, синтаксическом, композиционном уровне лингвистических сигналов межтекстового диалога, которые помогают адресату верно истолковать сообщение автора. К таким элементам можно отнести заголовок, эпиграф, имена персонажей, повтор текстовой формы, смена языкового кода, композиция текста [58]. Указанные маркеры носят скорее эксплицитный характер.

Во многих исследованиях стратегии изучаются при помощи дискурса, однако, почти не уделяют внимание художественному дискурсу, который имеет существенные признаки, которые отличают его от нехудожественного [28].

Т.А. Ван Дейк рассматривает данные признаки художественного дискурса: наличие эстетической функции, полисемантичность (многозначность), семантическая организация, имплицитность содержания (скрытость), субъективность, абсолютный антропоцентризм (человек – центр), трансформация всех других функций языка под влиянием эстетической функции, фикциональность, установка на отражение нереальной действительности [11].

Закономерным становится вопрос о возможностях реципиента увидеть и правильно истолковать проведенные автором интертекстуальные связи.

Итак, художественный дискурс «открывает» читателю возможность общения в ином измерении. Познавая неоднородность реального мира, читатель преодолевает его пространственно–временные рамки, погружаясь в один из «возможных миров».

1.2 Аксиологический подход в исследовании художественного дискурса

Аксиология, как наука о ценностях, представляет собой важный аспект философии и социологии, который изучает природу и классификацию ценностей, а также их влияние на человеческое поведение и мышление. Философ Сократ утверждает, что ценности существуют вне человека и определяют его поведение, то есть являются для него целью и имеют положительную оценку. Аксиология определяется как «философская дисциплина, исследующая категорию ценности, характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический

статус, а также природу и специфику ценностных суждений». В 1902 году философ П. Лапи ввел термин «аксиология», а в 1904 году он был использован Гартманом, как название раздела философии, занимающегося ценностями.

Аксиоло́гия (от греч. ἀξία – ценность и ...логия), философская дисциплина, исследующая ценности, иерархию ценностного мира, его онтологический статус, способы его познания, специфику ценностных суждений. Термин «аксиология» был введен в 1902 г. французским философом П. Лапи, а в 1904 г. стал означать один из разделов философии у Э. фон Гартмана. Аксиологию в собственном смысле целесообразно отделять от агатологии (термин введен А. Г. Баумгартеном) как учения о благе и телематологии (термин введен К. А. Крузием) как учения о целях (все эти понятия рассматриваются в современной аксиологии).[7]

В последнее время категории и термины, связанные с аксиологией, появляются в новейших исследованиях по лингвистике. Известные исследователи настаивают на выделении лингвистической аксиологии, применяющейся в рамках этнолингвистики, лингвокультурологии, анализа социального дискурса.

В числе первых особое внимание ценности информации уделил И. Р. Гальперин, выявив закономерность, что тексты, обладающие высокой эстетической ценностью, являются высокоинформативными. Этим можно объяснить, например, непреходящий интерес к великим произведениям литературы, [18].

В лингвистической аксиологии одним из ключевых понятий является оценка. Она определяется как устоявшееся в обществе положительное или отрицательное отношение субъекта к объектам реальности, выражаемое языковыми единицами как явно, так и неявно. Категория оценки включает в себя все языковые средства и методы ее выражения, такие как фонетика, морфология, лексика и синтаксис [39].

Н. Д. Арутюнова анализирует лингвистические аспекты механизма оценки: грамматические характеристики предложения, роль прилагательных, асимметрию «лучше и хуже». Лингвист подчеркивает антропоцентричность оценки, считая, что природа оценки отвечает природе человека, оценивается то, что нужно человеку [3].

Аксиологему целесообразно трактовать как вербальную номинацию ценности, являющейся базовой для индивида; для социальной группы; для национальной лингвокультуры в целом. В речи отдельные слова, словосочетания, являющиеся аксиологемами, могут приобретать аксиологическую маркированность. [49].

В нашем исследовании мы придерживаемся определения аксиологемы Купиной Н.А. и Пикулевой Ю.Б., которые понимают аксиологему наиболее широко – как «концепт, который воспринимается носителями языка (точнее лингвокультуры) как абсолютная ценность» [45].

Казыдуб Н.Н. предложила категориальные характеристики аксиологем как языковых репрезентантов ценностных смыслов:

1) аксиологемы соотносятся с культурообразующими ценностями, вследствие чего приобретают статус семиологических механизмов, функционально предназначенных для порождения, преобразования и хранения уникальной культурной информации;

2) аксиологемы способны функционировать во всех трёх измерениях значения (по Ч. Моррису) и, соответственно, обладать тремя интерпретантами. Однако для них доминирующей, по определению, становится оценочная интерпретанта;

3) аксиологемы порождаются и функционируют посредством динамического взаимодействия разностатусных значений: денотативного и коннотативного, пропозиционного и пресуппозиционного, семантического и прагматического;

4) аксиологемы оформляются по типу номинативного пространства, которое включает ключевые и ассоциируемые номинации, объективирующие тот или иной участок ценностной картины мира;

5) аксиологемы неизбежно оказываются инструментом иллюкативного воздействия, ибо репрезентируют социально валидные и личностно релевантные смыслы;

6) аксиологемы соотносятся с всеобъемлющими заголовками текстов, стремящимися вобрать в себя основные пласты культуры. И поскольку цель достигается частично, текст постоянно открыт, т. е. представляет собой дискурс;

7) аксиологемы формируют содержательные основы стратегических иллюкций посредством их актуализации на макро и микроуровнях дискурса [29].

Аксиологическая система ценностей – это оценка данных категорий по шкале «положительное / отрицательное», она выражает отношения и высвечивает, что «хорошо / плохо». Как отмечает О.В. Томберг, репрезентативным отражением аксиологической системы носителя языка зачастую являются художественные образы [63].

По мнению Аксеновой Н.В. метафора может выражать оценочные суждения косвенным путем, который обладает более сильным эмоциональным воздействием. Это связано с тем, что метафора всегда имеет эмоциональный компонент и влияет на эмоциональное состояние адресата [1]. Метафоры с развернутым оценочным смыслом актуализируются благодаря определенным методам: взаимодействие метафорического и неметафорического контекстов, активация фрейма, взаимодействие слов разных семантических полей, актуализация оценки за счет метафорических элементов и двоякого толкования.

Оценочная категория является двойственной, так как сочетает в себе субъективную и объективную оценку. С одной стороны, она зависит от системы ценностей человека, а с другой стороны, оценивающий субъект не

может избежать влияния мнений, предписаний и ценностей своей социальной группы и культуры, к которой он принадлежит.

Система ценностей – это динамический набор предусмотрительных характеристик, который зависит от времени, общества, геронтологической и культурной среды.

Метафоры с нулевой оценочностью – это малочисленная группа, которая встречается в научных терминологических системах, в которых потенциальная оценочность метафоры теряется.

Оценочными считаются метафоры, связанные с описанием человека в виде животных или предметов – антропоцентрические метафоры, а также двоичные метафорические противоположности и метафоры, отображающие эмоциональные состояния в языке.

Взаимосвязь таких явлений, как метафора и оценка, отмечалась в работах многих исследователей, таких, как Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Л.С. Билоус.

Термин «языковая картина мира» («Weltbilddersprache») был предложен Йоханном ЛеоВайсгербером, который, опираясь на идеи Гумбольдта, определял его как особое уникальное мировидение, формируемое языком для говорящего на нем народа. Разработку понятия языковой картины мира Л.Вайсгербер начал в 30-е годы 20 века. Под языковой картиной мира понимают «ту часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы» [37]. «Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во первых, в его недрах формируется языковая картина мира у человека. Во вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт».

Аксиологический аспект взаимоотношений личности с окружающей его реальностью, закрепляется в его сознании и языке в виде ценностной картины мира, которая является сформированной когнитивным сознанием народа упорядоченной совокупностью знаний о ценностной значимости объектов и явлений внешней действительности, а также как совокупностью стереотипных представлений о внешнем мире, получивших положительную оценку среди представителей этноса.

Аксиологическая картина мира представляет собой систему ценностей, установок и убеждений, определяющая восприятие человеком окружающей действительности и его отношение к ней. Она формируется под влиянием культуры, истории, личного опыта и определяет то, что считается важным, значимым и ценным в жизни. Значительный вклад в изучение аксиологической картины мира внесли такие ученые и философы, как: Макс Шелер, Николай Гартман, Владимир Соловьев и Михаил Бахтин.

В основе ценностной картины мира в сознании человека лежит его личностная оценка качеств объектов и явлений реальности. Оценка «задана физической и психологической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности» [3]. Выражая свое мнение об окружающем его мире, человек постоянно налагает на него «светотеневую сеть общечеловеческих и индивидуальных представлений о добре и зле (хорошем и плохом)» [3].

Арутюнова Н.Д. отмечает, что «оценочное значение обусловлено физическими свойствами предмета в той мере, в которой оно ими мотивируется. Одни и те же мотивы могут служить обоснованием разных оценок, так как оценочными значениями управляет человек, пропуская их через себя и внося в них долю произвола» [3].

1.3. Теоретические основы лингвостилистического анализа

Лингвостилистика — это междисциплинарная область лингвистики, изучающая стилистические аспекты языка и его использование в различных контекстах. Она сосредоточена на анализе языковых средств, которые создают определённые стилистические эффекты и передают эмоциональную окраску, оценочные значения и художественные замыслы автора. Лингвостилистика исследует, как выбор лексических, грамматических и фонетических средств влияет на восприятие текста читателем и как эти средства формируют стиль произведения.

Основы лингвостилистики были заложены Ш. Балли, она сравнивает общенациональную норму с особыми, характерными для разных сфер общения подсистемами, которые называются функциональными стилями и диалектами и изучает элементы языка с точки зрения их способности выражать и вызывать эмоции, дополнительные ассоциации и оценку.

Лингвостилистический анализ художественного текста – подробный и тщательный анализ роли и функций языковых средств разных уровней в организации и выражении идейно–тематического содержания произведения.[7]

Начало формирования теоретических основ лингвостилистического анализа художественного текста было заложено в работе известного русского лингвиста [67]. Ученый указывал на недостаточность сведений анализа художественного произведения лишь к тем или иным историко–литературным или историко–культурным построениям и ратовал за анализ, основанный на разыскании "тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов" языка произведения в их теснейшей связи с особенностями содержания и идеи текста.

Лингвостилистика — это важная и многогранная область лингвистического знания, которая исследует стилистические особенности языка и его использование в различных контекстах. Она охватывает как теоретические, так и практические аспекты, позволяя понять, как языковые средства формируют стиль и воздействуют на восприятие текста [7].

Лингвостилистический анализ текста – это изучение роли и функций различных языковых средств в передаче содержания текста, а также замысла и стиля автора. Изучая текст с точки зрения лингвостилистики, мы определяем, при помощи каких приемов в его языковой форме отражаются особенности мировоззрения автора, выраженные в выборе времени и места действия произведения, в характерах героев, в строении и развитии сюжета. [7]

Лотман рассматривал художественный текст как сложно организованную систему. Он сочетает в себе одновременно и систему средств языка, на котором он написан, и особую кодовую систему, расшифровывать которую предстоит читателю [41].

Предметом лингвостилистического анализа художественного текста служит языковая организация текста, а именно связи и отношения единиц разных уровней.

Л.А. Новиков различает несколько видов лингвостилистических средств:

1. Лексические особенности.
2. Синтаксические конструкции.
3. Метафоры и сравнения.
4. Эпитеты и олицетворение.

Современная теория лингвостилистического анализа художественного текста основывается на признании сложности и многогранности художественного текста как объекта исследования, в частности, сосуществуют разноречивые представления о тексте как многослойном, многоуровневом объекте. Так, самым традиционным для лингвистики является понимание текста, основанное на стратификационном подходе – текст как система взаимосвязанных и взаимодействующих уровней языка. Причем лексический уровень обычно считается самым значимым для формирования и выражения идейно-тематического содержания.

В нашей работе особое место занимают метафоры и метафорические эпитеты и сравнения, так как в процессе восприятия текста метафоры и символы играют ключевую роль, обогащая текст и углубляя его смысл. Они помогают читателю не только понять содержание, но и почувствовать атмосферу произведения, а также установить личные связи с персонажами и темами.

Т. Арутюнова трактует метафору как языковую единицу, в которой происходит перенос значений с одного объекта на другой на основе их сходства или аналогии. Арутюнова подчеркивает, что метафора не просто украшение языка, а важный инструмент, с помощью которого осуществляется познание и выражение сложных концептов [3].

Символом Т. Арутюнова считает знаковую единицу, которая имеет более сложную структуру, чем простые знаки, и включает в себя не только обозначение, но и дополнительные значения, ассоциации и культурные контексты. Символы часто используются для передачи глубоких, многослойных смыслов и могут быть связаны с определенными традициями, мифами, ритуалами и культурными практиками [3].

Метафоры и символы играют важную роль в восприятии чтения, обогащая текст и углубляя его смысл. Они помогают читателям устанавливать личные связи с произведением, создавая эмоциональные образы и многослойные значения. Взаимодействие этих стилистических средств делает чтение не только процессом получения информации, но и глубоким эмоциональным переживанием, которое может изменить восприятие мира.

1.4. Метафорические модели как носители аксиологической картины мира

Каждый вид дискурса характеризуется наличием универсальных метафорических моделей. Соответственно, метафорические модели

необходимо рассматривать в конкретном дискурсе, учитывая условия их возникновения.

Согласно Ю.Ю. Цыбиной, «метафорическое моделирование – это средство постижения и оценки какого–либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к иной понятийной области при наличии эмоционально–смыслового компонента, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц» [68].

В монографии А.П. Чудинова приводится следующее определение метафорической модели [67]:

Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителя языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой «X – это Y» [67]. Процесс образования метафорической модели основан на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, т.е. происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping).

Для описания метафорической модели используют следующие признаки, которые были применены А.П. Чудиновым [67]:

1. исходная понятийная область (сфераисточник) – область, к которой относятся неметафорические смыслы;
2. новая понятийная область (сфера–мишень) – область, к которой относятся метафорические смыслы;
3. фреймы, относящиеся к данной модели;
4. составляющие фреймы слоты – элементы ситуации, составляющие части фрейма;
5. компонент, который связывает первичные и метафорические смыслы;

6. дискурсивная характеристика модели – эмотивные характеристики, связь с ситуацией;

7. продуктивность модели – способность к развертыванию.

По словам В.З. Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, она содержит данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [23]. Каждый фрейм состоит из слотов, то есть элементов ситуации. Основы этих слотов составляют типовые концепты.

По А.П. Чудинову слот представляет собой ситуации, который включает некую часть фрейма [67].

Сам по себе фреймо–слотовый анализ представляет собой метод изображения знаний, который используется в когнитивной лингвистике для структурирования информации об объектах, ситуациях или понятиях. В основе метода лежит понятие фрейма, предложенное Марвином Минским в 1974 году.

М. Минский предлагает принципы фреймо–слотового анализа:

1. Организация знаний: знания представляются в виде иерархии фреймов, где каждый фрейм описывает определенный аспект предметной области.

2. Структурирование информации: информация об объекте структурируется в слотах фрейма, что позволяет легко извлекать и обрабатывать необходимые данные.

3. Наследование свойств: фреймы могут наследовать свойства от своих родительских фреймов, что обеспечивает компактное представление знаний и возможность обобщения информации.

4. Процедурное знание: слоты могут содержать процедуры, которые выполняются при доступе к слоту или при изменении его значения. Это позволяет моделировать динамическое поведение объектов и ситуаций.

Итак, фреймово–слотовый анализ является мощным инструментом для представления знаний, который позволяет структурировать информацию и моделировать сложные системы. Метод нашел широкое применение в различных областях, где требуется обработка и использование знаний.

В монографии Чудинова А.П. была предложена классификация:

1. Антроморфная метафора включает такие сферы, как: «тело человека», «болезнь», «физиология», «семья».

2. Социоморфная метафора включает такие сферы, как: «война», «азартные игры», «спорт».

3. Артефактная метафора включает в себя: «здания», «одежда», «инструменты», «домашняя утварь», «мусор».

4. Природоморфная метафора включает в себя: «животный мир», «явления природы», «мир растений» [67].

Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают рассматривать метафорическую модель в качестве основной операции, важнейшего способа познания мира путем переноса понятия из одной, обычно конкретной, чувственной сферы в другую, более абстрактную. В результате происходит перенос структуры исходной сферы в систему сферы, подвергаемой метафорической экспансии, при этом переносится не только формальная структура фреймово–слотовой модели, но и эмоциональный потенциал исходной сферы.

Дж. Лакофф считает, что метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные, неструктурированные вещи в терминах более конкретных, структурированных.

Теория метафорической модели Лакоффа и Джонсона получила широкое развитие в работах отечественных когнитивистов: А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, И.М. Кобозевой, Е.С. Кубряковой, А.П. Чудинова.

В нашей работе мы используем когнитивную теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которая построена на идее, что «метафора может

проникать в нашу повседневную жизнь, и не только в язык, но и в сознание и деятельность» [40].

Благодаря человеческому мышлению мы можем управлять окружающим миром до мельчайших подробностей. Это имеет первостепенное значение для человеческого поведения, а также для его социальных взаимодействий. Метафоры сильно влияют на жизнь людей, формируя их мышление. Человек часто действует бессознательно, следуя определённым стереотипам, поскольку многие стороны метафоричности его сознания ему недоступны.

Метафора представляет собой образ одного объекта, и это образно выражает суть. Его восприятие опосредовано другим объектом. Её опыт охватывает значительное количество сложных когнитивных процессов и несколько аспектов чувственного и социального восприятия. В процессе познания некоторые элементы сравниваются с более простыми мыслительными пространствами при помощи метафоры. [40] Удачная метафора способствует более глубокому пониманию и ощущению сути явления, демонстрируя её посредством аналогичного явления. Концепт, деятельность и язык демонстрируют сложную метафорическую структуру.

Неправильно подобранная метафора способна существенно затруднить восприятие других важных свойств, которые могут оказаться с ней несовместимы. Использование метафоры «спор – это война» препятствует выявлению в споре некоторых важных аспектов, таких как стремление к сотрудничеству и взаимопониманию.

Образные и творческие метафоры способны дать новое понимание человеческого опыта. Они придают новый смысл прошлому, повседневной деятельности, знаниям и убеждениям человека.

Идея о том, что метафоры могут создавать реальность, противоречит большинству традиционных концепций метафоры. Причина состоит в том, что метафора традиционно изучается как принадлежность к языку, а не как средство структурирования понятийной системы и повседневной

деятельности. Слова не способны менять реальность, но изменения в понятийной сфере способны вызывать изменения представлений о мире, поступках, которые совершаются на их основании. Так как большая часть социальной реальности имеет отражение в метафорических терминах и представление человека о материальном мире метафорично, метафора играет значительную роль в установлении реальности [40].

Таким образом, метафора – это воображаемая рациональность. Поскольку обыденное мышление по большей части метафорично, а наши рассуждения предполагают вывод метафорических следствий и заключений, рациональность связана с воображением» [40].

Метафора – это один из самых важных способов понимания сферы чувств человека, эстетического опыта, морали и духовных озарений [40].

Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона стала очень популярной и послужила появлению нового подхода к изучению метафоры. Авторы доказали, что метафоры являются важной частью повседневного языка и мышления.

Вывод по первой главе

В первой главе мы рассмотрели теоретические материалы по теме нашего исследования. Были изучены существующие подходы к описанию особенностей художественного дискурса. Художественный дискурс представляет собой сложное и многогранное явление, выходящее за рамки простого обмена информацией. Это особый тип коммуникации, в котором язык используется не только для передачи сведений, но и для создания эстетического воздействия на читателя. Художественный дискурс характеризуется высокой степенью образности, эмоциональности, субъективности и многозначности.

Мы сделали обзор научных работ, посвященных аксиологическому аспекту исследования, выделили ключевые единицы аксиологического

анализа. Аксиологемы, как ключевые элементы, аккумулирующие в себе ценностные смыслы, являются неотъемлемой частью аксиологической картины мира. Аксиологическая картина мира, в свою очередь, представляет собой целостную систему ценностей, определяющую восприятие человеком окружающей действительности и его отношение к ней. Был выделен алгоритм лингвостилистического анализа и выделена метафора, как ведущее средство выразительности и ключевой механизм формирования аксиологических смыслов.

Подробно представлена теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые утверждают, что метафора представляет собой не просто стилистический прием, а основной способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира.

Понимание языкового текста, рассматриваемый как интерпретация определенной системы, выстраивается на анализе смысла языкового метафорического выражения. Система моделей имеет сложную структуру.

Метафорические модели – это специфические структуры в сознании, которые представляют собой схемы связи между понятийными сферами. Есть большое количество способов определения метафорических моделей, их репрезентации и классификации.

Теоретические положения будут подтверждены анализом трех произведений – «Книжный вор» М. Зузак, «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери и «Чернильное сердце» К. Функе во второй главе нашей работы.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ И АКСИОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЧТЕНИЯ КНИГ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Целью практической части исследования является отбор и систематизация лексических и стилистических средств, актуализирующих тему чтения и книг в произведениях таких авторов, как «Книжный вор» М. Зузак, «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери и «Чернильное сердце» К. Функе. Выбор данных авторов неслучаен, их произведения наполнены стилистическими приемами, которые наиболее ярко передают важность чтения и книг. Сама тематика представляется пронизанной гуманистическим посылом, а следовательно, подлежит аксиологическому анализу. Аксиологемы выражают оценку явления со знаком плюс или минус, т.е. они маркированы оценочностью, поэтому в большинстве случаев выражены стилистическими средствами, и идентификация метафор сделает возможным анализ аксиологем, сопровождающих тему книг и чтения в художественном дискурсе. Рассмотрение лексической специфики данной темы также будет содействовать описанию аксиологического аспекта выбранной тематики.

В данной главе мы ставим цель рассмотреть данные произведения с точки зрения лингвостилистического анализа, выделить стилистические приемы, а именно метафорические модели, которые более ярко представляют важность чтения книг в произведениях, проанализировать наиболее яркие аксиологемы данных произведений.

Мы сосредоточили анализ стилистических средств отобранных художественных произведений на поиске метафор, так как большинство эпитетов, образных сравнений и олицетворений, репрезентирующих тему книг и чтения, метафоричны по своей природе.

В результате анализа данных произведений, были выделены методом сплошной выборки 150 метафорических единиц. Мы также

систематизировали лексический состав, представляющий тему книг и чтения в данных произведениях, согласно частям речи, что позволило прокомментировать преобладание именной или глагольной семантики. При этом, мы также учитывали оценочную маркированность лексических единиц. Таким образом мы следовали следующему алгоритму:

1. Систематизация лексических единиц по частеречной принадлежности, выделение тематических линий и их аксиологической значимости.

2. Анализ метафорических моделей, актуализирующих тему книг и чтения в авторском художественном дискурсе, и их аксиологическая интерпретация.

2.1. Лексико–стилистическая репрезентация темы чтения и книг в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»

Начнем анализ художественного дискурса с тематикой книг и чтения с рассмотрения произведения «451 градус по Фаренгейту» выдающегося англоязычного писателя Рэя Брэдбери. Действие романа разворачивается в антиутопическом будущем, где книги запрещены, а пожарные занимаются их сжиганием вместо тушения огня. Гай Монтэнг, главный герой, работает в пожарной части и бездумно выполняет свою работу, пока не встречает юную Клариссу Маклеллан, которая задает ему вопросы о смысле жизни и счастье. Под влиянием юной девушки и других событий главный герой начинает сомневаться в существующем порядке и сохраняет книги. Его жена Милдред, погружённая в мир телевизионных развлечений, не понимает его стремлений. Когда начальник пожарных Битти узнаёт о тайном увлечении Монтэга, он заставляет его сжечь собственный дом. В порыве гнева Монтэг убивает Битти и становится беглецом. Спасаясь от преследования, он находит общество изгнанников, хранящих книги в

памяти. В финале город уничтожается войной, и Монтэг с новыми товарищами отправляется строить новое будущее, основанное на знаниях.

Нами были проанализированы лексические единицы, используемые для репрезентации темы чтения и книг в романе. Они были подразделены нами на 3 группы, согласно частям речи, к которым они относятся: существительные, прилагательные и наречия, глаголы. В процессе данного анализа мы также рассматривали коннотации выделенных частей речи, опираясь на контекст лексической единицы.

1. Существительные (22 единицы)

Существительные с положительной коннотацией: a book of fairy tales, rulebooks, A fountain of books, white pigeon, children, child, daughters, receptacle, magic, dust-jackets for books, significance, birds, birds with broken wings, miracle.

Проанализировав существительные с положительной коннотацией, мы смогли выделить основную тематику через которую раскрывается отношение к книге и ее сущность: дети, волшебство и птицы. Отношение к книгам как собственным детям показывает сильную любовь, заботу, привязанность. Сравнение книг с волшебством показывает магию чтения, способность уйти от реальности в волшебный мир произведения. Книги–птицы – одна из ключевых метафорических моделей, что изображает книги хрупкими, беспомощными, чистыми созданиями.

Существительные с отрицательной коннотацией: mounds of fishes, dishwater, a loaded gun, furious debate, traitors, roasted birds, book-burners, bomb.

Изучив существительные с отрицательной коннотацией, можно сделать вывод, что наиболее частотны такие темы, которые раскрывают сущность книг и чтения как: «Оружие», «Спор», что изображает книги как опасный и противоречивый объект, способный вызывать конфликты и разногласия. Такое представление подчёркивает власть знаний и идей,

содержащихся в книгах, а также страх перед их влиянием на общественное сознание.

Подводя итог группы существительных, мы можем сказать, что книги обладают двойственной природой: с одной стороны, они являются источником волшебства, знаний и тепла, ассоциируясь с детьми, птицами и магией; с другой — представляют опасность, вызывая споры, конфликты и страх перед их влиянием. Это показывает, что книги воспринимаются не только как нечто ценное и хрупкое, но и как мощный инструмент, способный изменить сознание и даже потрясти устои общества.

2. Прилагательные и наречия (14 единиц)

Прилагательные и наречия с положительной коннотацией: *influenced, hidden, important, real, worth, incredible, magically, magical.*

Проведя обзор прилагательных и наречий с положительной коннотацией, можно сделать вывод, что они подчеркивает такие качественные характеристики книг и чтения, как: «Ценность», «Волшебство», что в очередной раз подчеркивает необходимость книг и чтения.

Прилагательные и наречия с отрицательной коннотацией: *forbidden, clumsily, evil, dreadful, useless, damn.*

Проанализировав прилагательные и наречия с отрицательной коннотацией, мы выделили такие темы, как: «ужас», «страх», что связано со страхом познать что-то новое, выйти за границы привычного.

Подводя итог группы прилагательных и наречий, мы можем сделать вывод, что книги и чтения воспринимаются как нечто ценное и магическое, способное вдохновлять и открывать новые горизонты. Однако наряду с этим существует и противоположная точка зрения, основанная на страхе перед знаниями, их запретом и возможностью разрушения привычного порядка. Это ещё раз подтверждает двойственность отношения к книгам: они одновременно источник мудрости и объект опасений, способный как дарить чудо, так и вызывать тревогу.

3. Глаголы (37)

Глаголы с положительной коннотацией: agree, read, touch, smell, feel, like, nudge, open, hold, flick the pages, sniff, remind, pick up, push, remember, remain, hope, pass, wait.

Мы выделили такие основные темы, как: «чувства», «память», что связано с приятными ощущениями в период чтения литературы, возможностью запомнить момент чтения и оставить теплый след воспоминаний от процесса.

Глаголы с отрицательной коннотацией: burn up, die, go up, blow away, sprang down, bombarded, crushed, cut, drop, kick, forget, show, fear, hate, beat, rip, crush.

В соответствии с диаграммой 1, ключевые темы связаны с такими понятиями, как: «Уничтожение», «Смерть», мы думаем, это связано с тотальным изменением и формированием нового мировоззрения после прочтения определенной книги. Смерть же говорит нам о сильном желании изменить жизнь, распрощаться с прошлыми привычками.

Диаграмма 1 — Лингвистический анализ

Таким образом, глаголы представляют наиболее обширную группу лексических единиц, репрезентирующих тематику чтения и книг. Они формируют представление о чтении как о динамичном процессе.

В романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» содержится множество аллюзий — отсылок к историческим событиям, литературным произведениям, философским идеям и религиозным текстам. Ниже мы представим наиболее яркие аллюзии в романе.

1. Библия, а именно: книга Екклесиаста и Откровение Иоанна Богослова.

Монтэг запоминает строки из книги Екклесиаста.

“A time to break down, and a time to build up; a time to cast away stones, and a time to gather stones together”.

2. Миф о Фениксе, капитан Битти упоминает мифического Феникса — птицу, которая сгорает, но возрождается из пепла. Это символизирует повторяющиеся ошибки человечества и надежду на новое начало.

“But every few hundred years he built a pyre and burnt himself up. He must have been first cousin to Man”.

3. Шекспир («Макбет»).

Битти цитирует фразу из «Макбета» после смерти женщины, сгоревшей вместе со своими книгами, что подчеркивает циничное отношение к жизни и литературе.

“Life’s but a walking shadow, a poor player that struts and frets his hour upon the stage and then is heard no more: it is a tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing”.

4. Достоевский «Преступление и наказание».

Книги Достоевского, как и других великих писателей, упоминаются среди запрещенной литературы, поскольку они заставляют людей задумываться о морали и смысле жизни.

“We let firemen keep the book for 24 hours. If it’s not burned by then, we burn it for them”.

5. Гитлер и нацистские костры книг, где само сожжение книг отсылает к историческим событиям, особенно к нацистским акциям по уничтожению «вредной» литературы.

“We’re not born free and equal, as the Constitution says, but made equal. Each man the image of every other; then all are happy”.

Данные аллюзии помогают глубже понять смысл романа и его критику общества, которое боится мыслить самостоятельно.

Проведенный анализ лексики, репрезентирующей тему книг и чтения, позволяет сделать вывод о ведущих аксиологических акцентах данной темы в романе Р. Брэдбери. Книги обладают двойственной ценностной природой: они выступают как высшая культурная ценность, но одновременно вызывают опасения, связанные с их потенциальной силой изменять общественное сознание. Это отражает фундаментальный конфликт между сохранением традиций и поиском новых знаний.

Мы проанализировали данное произведение с точки зрения анализа метафорического моделирования и нами были выделены 49 метафорических моделей (Таблица – 3). Наиболее яркие примеры мы представим и прокомментируем ниже.

Книга в романе – главный враг тоталитарного государства по нескольким причинам. Для Брэдбери она является символом сомнений, сомнения же – это пребывание в нестабильности, пробуждающее интеллект, способность мыслить. Ниже представлены наиболее яркие примеры, которыми автор показывает отношение к книге.

Автор показывает негативное сравнение книг с рыбой или помоями, показывая навязанное государством отношение общества к запрещенной литературе.

“Books, so the damned snobbish critics said, were dishwater”.

“The books lay like great mounds of fishes left to dry”.

Книга – символ традиции, связи с прошлым. Например, автор называет книгу вместилищем для важной информации.

“Books were only one type of receptacle where we stored a lot of things, we were afraid we might forget”.

Любовь к книгам самого писателя позволила ему создать этот роман о книгах, заполненный не только цитатами из Библии, многих литературных произведений, разговорами о книгах, но и самим видом книг, их описанием. В романе важно не только отношение к книжной культуре, содержание книги, особое значение имеет и книга как вещественный предмет, форма выражения. В данном случае, автор описывает запах книги, связанные с ним ассоциации.

Специи, культура востока, сказки востока, волшебство. Книги уносят в дальние страны, заставляют фантазировать и мечтать через всевозможные ассоциации, в том числе обонятельные.

“Do you know that books smell like nutmeg or some spice from a foreign land”?

Помимо запаха, присутствует и внешнее описание книги, сравнение с живым существом.

“To me it means texture. This book has pores. It has features. This book can go under the microscope. You’d find life under the glass, streaming past in infinite profusion”.

Брэдбери метафорически связывает образ книги с голубем – контрастно белым по сравнению с черным пеплом сгорающего мира, шелестящим крыльями–страницами, или с птицами. И это не случайно: птицы – символы души человеческой, нечто, принадлежащее небу, миру духа, связь неба и земли.

“A book alighted, almost obediently, like a white pigeon, in his hands, wings fluttering”.

“In the dim, wavering light, a page hung open and it was like a snowy feather, the words delicately painted thereon”.

Образ людей–книг в романе предстает как полная оппозиция образу представителей большинства – пожарных. Автор сравнивает людей с энциклопедиями. Люди–книги – это людское сообщество, чье

предназначение – «сохранить знания». Аллюзии на великих мыслителей показывают, что книги содержат накопленную мудрость человечества. Они не просто передают информацию, а помогают осмыслить мир, формировать критическое мышление и находить смысл в жизни. Через аллюзии Брэдбери демонстрирует, что уничтожение книг — это уничтожение человеческой истории и культуры.

“We’re book-burners, too. Better to keep it in the old heads, where no one can see it or suspect it. We are all bits and pieces of history and literature and international law, Byron, Tom Paine, Machiavelli, or Christ, it’s here”.

В данном случае, автор использует метафору, из которой следует, что люди – это обложки для книг.

“Don’t judge a book by its cover”.

Отношением к книгам проверяется то, к какому «лагерю» принадлежат герои романа – к мыслящему меньшинству или бездуховному большинству. Жена главного героя Милдред, пытаясь оправдать своего мужа, считает, что книги лишают людей спокойствия и сводят с ума.

“Ladies, once a year, every fireman’s allowed to bring one book home, from the old days, to show his family how silly it all was, how nervous that sort of thing can make you, how crazy”.

Книга – опасное оружие для государства, который может противостоять массовости сознания и, следовательно, способный разрушить цельность псевдо-счастливого общества, созданного государством. Книга способна показать неисправимую катастрофу мира и жизни человека тем, что включает и стимулирует его сознание.

“A book is a loaded gun in the house next door”.

“He searched the house and found the books where Mildred had stacked them behind the refrigerator. Some were missing and he knew that she had started on her own slow process of dispersing the dynamite in her house, stick by stick”.

Для Брэдбери важно, что книги не толькоместилища информации, что они способны не только научить, а взывают к душе человека, оживляют

ее. Поэтому книги являются ценным материалом. Автор называет книгу пищей для ума, показывая всю важность чтения.

“More cartoons in books. More pictures. The mind drinks less and less”.

В книгах проявляется надмирная природа человека, его высшее духовное естество – способность к творчеству, созданию мира. За каждой из книг стоит человек, не сразу понимает Монтэг, поэтому уничтожение книг равно самоуничтожению.

“For these were the hands that had acted on their own, no part of him, here was where the conscience first manifested itself to snatch books, dart off with job and Ruth and Willie Shakespeare, and now, in the firehouse, these hands seemed gloved with blood”.

А видимое разногласие книг, подчеркиваемое Битти, – это всего лишь разнообразие, возможность узнать разные точки зрения и найти свою. Человек не должен слепо повиноваться книгам, как и велениям общества.

“Books are a frightening bastion, fraught with death sentences, ... a list of defeats, ... a heap of wars, squabbles, depressions, epidemics, this whirlpool of nightmares, these catacombs of delirium and puzzling labyrinths that struggle, looking for a way out and not finding it”.

Чтение книг способно вызвать яростный спор, ведь отношением к чтению книг определяется в романе к какому лагерю принадлежит герой.

“I lay down to rest, and dreamed that you and I, Montag, were having a furious argument about books. You threw thunder and lightning and poured quotes, and I calmly repelled your every attack”.

Уничтожение книг во все времена человеческой истории выявляет нетерпение инакомыслия, ведь это не только практический, но и символический акт порывания с традицией, с определенным учением, отрицание знания, воспринимаемого как ложное, «своего рода лекарство». В книге особенно ясным становится власть слова, голоса. Поэтому и в романе книга наделяется остротой скальпеля, взрезая оболочку

бесчувственности и замкнутости на себе «одномерного человека». Одна из подруг Милдред говорит, что книга может ранить душу.

“The book hurts the soul with words penetrating through the shell of spiritual sleep”.

В данном случае, книга преподносится наравне с человеком, недвижимостью и другими необходимыми для жизни вещами.

“Everyone has to leave something behind. A son, or a book, or a picture, a house you built, or even a brick wall, or a pair of shoes you sewed, or a garden planted by your hands. Something that your fingers touched during life, in which your soul will find refuge after death”.

Роман Брэдбери наглядно показывает механизм воздействия чтения книг на человека. В книжной культуре проявляется не только прошлое, но и величие человечества, способность человека к богоравному делу – творчеству. Книги никогда не утрачивают актуальности – ведь человеческая природа, о которой написаны лучшие из них, неизменна в любой век, даже в век техники. В эпоху всеобщей разобщенности, духовного одиночества, когда человек словно бы «посторонний» для всего мира, книга оказывается другом, собеседником, зеркалом и хранилищем ценностей и отличных друг от друга точек зрения. Книга способна помочь найти себя в мире массового сознания, научить не бояться быть в меньшинстве. Однако в настоящее время книги не нужно сжигать или запрещать – главная опасность живет в самих людях, все меньше ими интересующихся. Ведь наиболее опасно не давление извне – опасность таится в сознании человека, в латентном нежелании думать, расти, осознавать себя существом надмирного порядка.

В романе «451 градус по Фаренгейту» метафоры выполняют роль аксиологем, то есть языковых явлений, несущих важные ценностные смыслы. Они помогают раскрыть идею ценности книги, знания и свободы мысли, а также противопоставить их мрачному миру тоталитаризма.

Ниже мы рассмотрим наиболее яркие метафоры с точки зрения аксиологем.

Огонь как символ разрушения и очищения. Пламя огня олицетворяет уничтожение культуры, подавление знаний.

“Books leapt and danced like roasted birds, their wings ablaze with red and yellow feathers”.

Книги как живые существа. Сравнение с голубями символизирует хрупкость знаний и уязвимость культуры.

“Books bombarded his shoulders, his arms, his upturned face. A book lit, almost obediently, like a white pigeon, in his hands, wings fluttering”.

Слова как зерна истины говорит о символе идеи распространения знаний и их влияния на сознание человека.

“Books were only one type of receptacle where we stored a lot of things we were afraid we might forget”.

Книга это бомба замедленного действия. Данная аксиологема изображает опасность знаний для тоталитарного режима.

“A book is a loaded gun in the house next door. Burn it”.

Брэдбери через эти образы показывает борьбу между тоталитаризмом и свободой мысли, подчеркивая, что уничтожение книг – это уничтожение человечности.

Аксиологемы выражены предложениями, т.к. основаны на метафоре, представленной в распространённом виде с несколькими компонентами.

Итак, нами был проведен анализ по частям речи, где ведущей частью речи при описании книг в данном романе являются глаголы, так как они формируют представление о чтении как о динамичном процессе. Было выделено 49 метафорических моделей, которые актуализируют отношение к книгам и чтению главного героя Монтэнга, людей–книг и государства.

Анализ лексической репрезентации указывает на преобладании единиц с положительной коннотацией, что подчеркивает значимость книг как источника мудрости, вдохновения и духовного роста. Они воспринимаются как магический объект, способный не только сохранять знания, но и пробуждать воображение, вызывать эмоциональный отклик и

формировать личность. Однако наличие лексем с отрицательной коннотацией демонстрирует амбивалентное отношение к книгам, отражая страх перед их разрушительной силой, способностью менять сознание и вызывать конфликты. Это двойственное восприятие усиливает центральный конфликт романа — противостояние разума и невежества, традиции и цензуры. Лексические единицы с отрицательной коннотацией описывают грубое и пренебрежительное отношение к книгам и чтению, маркируя его как нежелательное поведение, что очевидно через духовное пробуждение главного героя и его отказ от прежнего негативного отношения к книгам.

2.2. Лексико–стилистическая репрезентация темы чтения и книг в романе М. Зусак «Книжный вор»

Действие романа происходит в нацистской Германии во время Второй мировой войны. Рассказчиком выступает Смерть, которая наблюдает за жизнью главной героини — девятилетней Лизель Мемингер. Она попадает в приемную семью Ханса и Розы Губерманн после смерти младшего брата. Во время похорон брата девочка находит свою первую книгу — «Пособие могильщика». Ханс учит Лизель читать, и вскоре книги становятся для нее способом познания мира и утешением. С развитием событий Лизель начинает воровать книги — сначала из пожара во время сожжения книг нацистами, затем из дома бургомистра. В это время Губерманны прячут в подвале еврейского беглеца Макса. Между Лизель и Максом завязывается крепкая дружба. Макс пишет для нее небольшие рассказы, вдохновляя девочку на любовь к словам. По мере усиления войны город подвергается бомбардировкам. Однажды, когда Лизель остается в подвале писать свою историю, город бомбят, и вся ее семья, а также друзья, погибают. Единственной памятью о них остается ее рукопись «Книжный вор». После войны Лизель встречает Смерть, которая рассказывает ей, что сохранила ее книгу, восхищаясь ее силой духа. В конце романа становится известно, что

Лизель прожила долгую жизнь, но в сердце всегда хранила память о своих близких и любви к книгам.

Нами были проанализированы лексические единицы, используемые для репрезентации темы чтения и книг в романе. Они были подразделены нами на 3 группы, согласно частям речи, к которым они относятся: существительные, прилагательные и наречия, глаголы.

Существительные (13 единиц).

Существительные с положительной коннотацией: power of words, treasures, hope, importance of words, miracle, secret, tower of books, beauty

Проанализировав данные существительные, мы выделили следующие темы: «сокровища», «сила» свидетельствуют о трепетном отношении к книгам и их ключевой роли в жизни.

Существительные с отрицательной коннотацией: mess, garbage, corpse, bomb, bone.

Изучив существительные с отрицательной коннотацией, были выделены такие темы, как: «оружие», «мусор», что изображает книгу как опасный инструмент, способный изменить сознание. Сравнение с мусором является попыткой сдержать интерес к чтению произведений.

Прилагательные и наречия (15 единиц)

Прилагательные и наречия с положительной коннотацией: elegant, philosophical, touching, beautiful, important, precious, partial, beautiful, promisingly, good, best, worth.

Прилагательные с положительной коннотацией затрагивают такие темы, как: «Важность», «Бесценность» говорят о высокой оценке книг, их роли в жизни и культуре.

Прилагательные и наречия с отрицательной коннотацией: volcanic, grotesque, alien, dreadful.

Прилагательные с отрицательной коннотацией выражают страх перед книгами как средством изменения мышления.

Глаголы (14 единиц)

Глаголы с положительной коннотацией: nourish the soul, admire, change, mean everything, hold, own, cheer, collect, eat, lure.

Мы выделили такие темы, как: «Восхищение», «Владение», что изображает книги как неотъемлемый элемент жизни каждого человека.

Глаголы с отрицательной коннотацией: deny, burn, snuff out, kill

В соответствии с диаграммой 2, ключевые темы глаголов, связанные с отрицательной коннотацией: «гореть», «убивать», что говорит о желании избавиться от книг, так как они способны повлиять на мировоззрение человека.

Диаграмма 2 — Лингвистический анализ

Таким образом, прилагательные и наречия представляют самую большую группу языковых единиц в данном романе, так как выполняют ключевую роль в передаче оценки, эмоций и характеристик.

В романе Маркуса Зусака «Книжный вор» (The Book Thief) содержится множество аллюзий — отсылок к литературе, истории и религии. Ниже мы рассмотрим самые яркие из них.

1. Библия (Смерть как рассказчик).

В романе повествование ведётся от лица Смерти, что отсылает к христианской традиции, где Смерть часто персонифицируется.

“I am haunted by humans”.

2. Аллюзия на Гитлера и его книгу “Mein Kampf”.

Лизель учится читать, используя “Mein Kampf”. Однако позже её страницы перекрашиваются и используются для написания новой истории. Это символизирует переосмысление истории и противостояние идеям Гитлера через литературу.

“The best standover man I've ever known is not a man at all”.

3. «Греческий миф о Прометее» (Огонь как символ знаний).

Книги, которые Лизель «крадёт», символизируют огонь знаний, украденный у богов, как в мифе о Прометее.

“She had stolen a book. Someone had seen her. The book thief had struck for the first time – the beginning of an illustrious career”.

4. Сравнение Лизель с Гретель из «Гензель и Гретель».

Лизель, подобно Гретель, оказывается в страшном мире и использует книги как «хлебные крошки», чтобы найти свой путь.

“The words were the breadcrumbs”.

Данные аллюзии помогают глубже понять смысл «Книжного вора» и его критику фашизма, цензуры и потери человечности в жестоком мире.

Мы проанализировали данное произведение с точки зрения анализа метафорического моделирования и нами были выделены 32 метафорические модели (Таблица – 4). Наиболее яркие примеры мы представим и прокомментируем ниже.

В романе «Книжный вор» М. Зусак смог показать роль литературы в трудный для всего человечества период. Начиная с эпиграфа, автор рассказывает о важности книги для общества.

Способность книг «вскармливать душу» подчеркивает их значение как источника утешения, знаний и силы. Они помогают героям справляться с утратами, поддерживают их в трудные времена и дают возможность мечтать даже в условиях войны.

“This is a book about the power of words and the ability of books to nourish the soul”.

“Such books are life-changing because, while not denying the inherent immorality and contingency of the natural order, they offer us hard-won hope”.

Для главной героини романа Лизель книги играют исключительную роль, являются самой большой драгоценностью.

“After all, her three books were the most precious items she owned”.

Это то, что помогает девочке жить в жестоком мире, где набирает обороты фашизм. Лизель даже идет на воровство, чтобы прочитать как можно больше книг. Для главной героини чтение было не только приятным досугом, но и чем-то большим. С помощью книг Лизель училась нравственным ценностям, литература позволяла девочке отвлечься от всех ее трудностей, с которыми ей пришлось столкнуться на своем жизненном пути. Когда Лизель находится в подвале вместе с другими жителями, она начинает читать. Все затихают и перестают паниковать, чтение действует на них как лекарство.

На протяжении всего романа язык, чтение и письмо представлены как символические элементы выражения и свободы. Книги обеспечивают идентичность и личное освобождение тем персонажам, которые обладают или обретают силу грамотности: «истинную силу слов». Автор показывает, что слова в произведениях имеют большую силу.

“When she came to write her story, she would wonder exactly when the books and the words started to mean not just something, but everything”.

Книги, которые Лизель крадет важны не из-за их содержания, а потому, что они являются уникальными физическими символами силы языка. В данном случае, главная героиня дорожит книгой как предметом, а не способом выражения мысли.

“On her first night with the Hubermanns, she had hidden her last link to him—The Grave Digger’s Handbook—under her mattress, and occasionally she would pull it out and hold it”.

В начале рассказа, вскоре после похорон брата, Лизель находит в снегу книгу, которую не может прочесть. Ее неграмотность – это форма бессилия, как выясняется позже. Эта сцена демонстрирует важность книг как объектов, даже помимо слов в них.

“The point is, it didn’t really matter what that book was about. It was what it meant that was more important”.

Сжигание книг дает представление о том, как целая нация могла быть охвачена такими ненавистными идеями – это естественный менталитет толпы для людей и очарование зрелищем разрушения. Даже Лизель, которая любит книги больше всего на свете, не может избавиться от желания увидеть, как они горят, когда это превращается в такое событие.

“To their left, flames and burning books were cheered like heroes”.

Нацистское сожжение книг в рассказе олицетворяет воплощенное зло. Символично, что многократное спасение Лизель книг от нацистских костров символизирует ее возвращение свободы и ее сопротивление контролю всепроникающего государства. Поэтому так опасно было держать запрещенные книги дома.

“Papa looked at the title, apparently wondering what kind of danger this book could pose for the minds and souls of the German people”.

Поэтому главная героиня читала книги с приемным отцом в подвале. Чтение книг было тайной.

“This is our secret, this book. We’ll read it at night or in the basement, just like the others”.

А появление каждой новой книги считалось настоящим чудом, ведь сам процесс чтения таил в себе опасность.

“Some might say it's a miracle that Liesel had this book at all”.

Большое количество книг сравнивается с башней, вулканом, что в очередной раз указывает на большое значение, важность разнообразия книг, как вместилища различных идей, богатства смыслов.

“When she came and stood with an impossibly frail steadfastness, she was holding a tower of books against her stomach, from her navel to the beginnings of her breasts”.

Большое количество книг – самое прекрасное, что видела главная героиня, которые притягивают к себе.

“She said it out loud, the words distributed into a room that was full of cold air and books. Books everywhere! Each wall was armed with overcrowded yet immaculate shelving. It was barely possible to see the paintwork. There were all different styles and sizes of lettering on the spines of the black, the red, the gray, the every-colored books. It was one of the most beautiful things Liesel Meminger had ever seen”.

Книги имеют такую важность, что сравниваются с людьми, органами живого человека.

“To her right, a book protruded like a bone. Its paleness was almost scarred by the dark lettering of the title”.

Чтение книг напоминает настоящее волшебство, а смотреть на книги и прикасаться к ним похоже на волшебную красоту.

“She walked over and did it again, this time much slower, with her hand facing forward, allowing the dough of her palm to feel the small hurdle of each book. It felt like magic, like beauty, as bright lines of light shone down from a chandelier”.

Книга ассоциируется со смертельным оружием, которое несет опасность обществу.

“He clicked open the case as quietly as he could and planted the book like a bomb”.

Сильная любовь к книгам сравнивается с едой, необходимой для жизни, словами, имеющими вкус.

“She could smell the pages. She could almost taste the words as they stacked up around her”.

Книги способны хранить в себе целый мир.

“Those images were the world, and it stewed in her as she sat with the lovely books and their manicured titles. It brewed in her as she eyed the pages full to the brims of their bellies with paragraphs and words”.

Слова сравниваются с живым существом, которое можно убить или причинить боль и страдания.

“As you can see, I have been in your library again and I have ruined one of your books. I was just so angry and afraid and I wanted to kill the words. I have stolen from you and now I’ve wrecked your property”.

Собственная книга Лизель «Похитительница книг» спасает ей жизнь в прямом и переносном смысле. Она удерживает ее в подвале во время последней бомбардировки, и ее написание дает девочке возможность справиться со всеми страданиями, которые она видела и испытала.

В книге «Книжный вор» Маркуса Зусака метафоры также выполняют функцию аксиологем. Они помогают глубже раскрыть значение слов, книг, памяти, человеческой души и смерти. Ниже представлены наиболее яркие аксиологемы в романе.

Книги как символ жизни, надежды и спасения.

«Кража книг – это способ Лизель украсть кусочек свободы» – показывает, что чтение становится для героини актом сопротивления.

“Stealing books was Liesel’s way of stealing a piece of freedom”.

«Слова жгли её сердце, но в то же время исцеляли» – подчёркивает двойственность языка: он может причинять боль, но и спасать.

“The words burned her heart, but at the same time, they healed it”.

Слова как оружие и лекарство.

«Слова были не просто словами, они были живыми» – подчёркивает их силу изменять людей и мир.

“Words were not just words. They were alive”.

«Гитлер построил целую империю из слов» – показывает, как речь может быть разрушительной.

“Hitler built an entire empire out of words”.

«Макс рисовал слово как кулак» – метафора слова как оружия борьбы с несправедливостью.

“Max painted a word like a fist”.

Язык романа помогает переосмыслить ценность слов, любви, памяти и самой жизни, показывая, что даже в мрачные времена литература способна дать надежду.

Авторский стиль Зусака часто критикуется за «излишнюю» метафоричность, наполненность рассуждениями и не всегда понятными сравнениями. Но особенность изображения «книги в книге» впечатляет и привлекает читателя.

Итак, ведущими частями речи являются прилагательные и наречия, так как выполняют ключевую роль в передаче оценки, эмоций и характеристик. Нами было выявлено 32 метафорические модели, которые актуализируют отношение к книгам и чтению главного героя Лизель, становятся ключом к осмыслению происходящего, средством утешения и способом познания добра и зла.

Проведенный анализ лексики, репрезентирующей тему книг и чтения, позволяет сделать вывод о ведущих аксиологических акцентах данной темы в романе М. Зусак «Книжный вор». Чтение в романе показано как способ обретения знаний, формирования личности и понимания окружающего мира.

2.3. Лексико–стилистическая репрезентация темы чтения и книг в романе Корнелии Функе «Чернильное сердце»

Главная героиня, 12–летняя Мегги, живёт с отцом Мо, который реставрирует книги. Однажды к ним приходит загадочный гость по имени Сажерук, предупреждая об опасности. Мегги узнаёт, что её отец обладает даром – он может оживлять персонажей из книг, читая их вслух. Однажды,

читая роман «Чернильное сердце», Мо случайно перенёс в реальный мир злодея Каприкорна и его приспешников, а взамен в книгу попала его жена. Каприкорн хочет использовать дар Мо в своих целях, заставляя его оживлять монстров и богатства. Мегги вместе с Сажеруком, тётёй Элинор и другими союзниками пытается остановить злодея. В процессе она обнаруживает, что унаследовала способность отца. В конце произведения, используя силу слов, герои побеждают Каприкорна, а Мегги учится управлять своим даром.

Нами были проанализированы лексические единицы, используемые для репрезентации темы чтения и книг в романе. Они были подразделены нами на 3 группы, согласно частям речи, к которым они относятся: существительные, прилагательные и наречия, глаголы.

Существительные (14 единиц)

Существительные с положительной коннотацией: labyrinth of printed letters, memories, world, pleasure, a bird, children, ladies, magic, mind, storage.

Изучив существительные с положительной коннотацией, можно сделать вывод, что ключевыми темами стали: «удовольствие», «память», что говорит о значимости чтения как способа сохранения эмоций и воспоминаний.

Существительные с отрицательной коннотацией: serpent, fear, worm, awe.

Проанализировав существительные с отрицательной коннотацией можно сделать вывод, что основными темами являются: «предатель», «страх», что связано с боязнью изменения реальности после прочтения книги.

Прилагательные и наречия (20 единиц).

Прилагательные и наречия с положительной коннотацией: promisingly, thick, thin, old, new, thoroughly, right, valuable, childish, lovingly, big, brave, soft, purring, cooing.

Мы определили следующие ключевые темы: «чувства», «отношения», показывая, что чтение воспринимается как эмоционально насыщенный процесс.

Прилагательные и наречия с отрицательной коннотацией: annoying, stupid, long-winded, silly, foolish.

В группе прилагательных и наречий с отрицательной коннотацией были выделены такие темы, как: «глупость», «раздражительность». Вероятно, это указывает на тех людей, которые пренебрегают чтением, считают ненужной тратой времени.

Глаголы (25 единиц).

Глаголы с положительной коннотацией: lure, whisper, chew, digest, collect, cheer, travel, stay at home, offer, promise, enjoy, watch, protect, look after, sleep, dance, dream, tackle, greet.

Изучив группу глаголов с положительной коннотацией, мы выделили такие темы, как: «Эмоции», «Забота», подчёркивая влияние книг на внутренний мир человека и их способность дарить радость, вдохновение и покой.

Глаголы с отрицательной коннотацией: destroy, steal, bite, burn, cut, gnaw.

В группе глаголов с отрицательной коннотацией ключевой темой является «Разрушение», символизируя опасения перед изменениями, которые может принести чтение, а также пренебрежительное отношение к книгам.

Итак, в соответствии с диаграммой 3, можно сделать вывод, в данном романе преобладают глаголы как языковые единицы, так как они передают динамичность действий. Книги играют важную роль в жизни человека, формируя его восприятие мира и вызывая широкий спектр эмоций. Книги в данном анализе выступают не только как средство передачи информации, но и как важный аксиологический ориентир, влияющий на личность, её нравственные установки и отношение к миру.

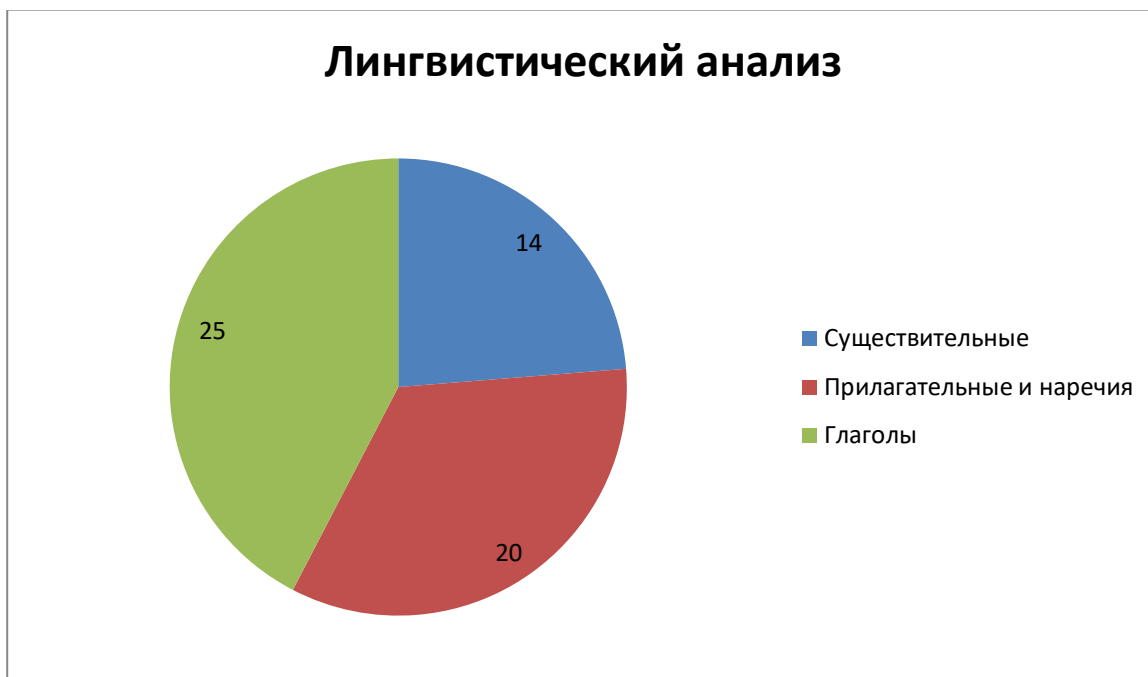

Диаграмма 3 – Лингвистический анализ

В «Чернильном сердце» Корнелии Функе есть множество аллюзий на литературу, мифологию и историю. Рассмотрим ниже самые яркие из них.

Аллюзия на «Тысячу и одну ночь».

Мо (Мортимер) обладает даром оживлять персонажей книг, когда читает вслух, что напоминает Шехерезаду из «Тысячи и одной ночи». Подобно ей, он использует рассказы, чтобы влиять на реальность.

“Words, they scoffed. Words are just words. But they turned into food and stole across the stone bridge and ran from fingers and pages as if they had never been imprisoned”.

Аллюзия на «Алису в Стране чудес».

Мир «Чернильного сердца» можно сравнить с Зазеркальем, куда попадает Алиса в сказке Льюиса Кэрролла. Мегги открывает двери в другое измерение, как Алиса попадает в страну чудес.

“Perhaps there’s a book out there that can take me back”.

Аллюзия на «Гамлета».

В книге есть идея, что автор управляет судьбами своих героев, как в «Гамлете» Шекспира, где говорится: “we are such stuff as dreams are made on”.

Аллюзия на Дон Кихота.

Как Дон Кихот, герои «Чернильного сердца» порой путают реальный мир с книжным, считая, что могут его изменить.

“Isn’t it strange how life resembles stories far more often than stories resemble life”?

Данные аллюзии подчеркивают основную идею книги: слова обладают силой, способной менять реальность.

Мы проанализировали данное произведение с точки зрения анализа метафорического моделирования и нами были выделены 62 метафорические модели (Таблица – 5). Наиболее яркие примеры мы представим и прокомментируем ниже.

Книга «Чернильное сердце» Корнелии Функе напоминает читателю о том, как прекрасно читать, и какие великие горизонты перед человеком открывает мир литературы. Причем, у каждого персонажа любовь к книгам совершенно своя.

Мортимер не любит читать современную литературу. Его тянет к древним рукописям, полным фантастических историй, которые написаны чернилами на пожелтевших от времени страницах. Профессия Мортимера – «книжный лекарь», он переплетает и реставрирует старые издания, однако, с клиентами о них Мортимер говорит, как о живых людях, увядающую со временем книгу считает «пациентом», и действительно, как настоящий врач, возвращает её к жизни.

“Meggie didn't think the word bookbinder described Mo's work particularly well, and a few years ago she had made him a sign to hang on his workshop door saying MORTIMER FOLCHART, BOOK DOCTOR. And the book doctor never called on his patients without taking his daughter, too”.

Сама же Мэгги переняла любовь к книгам от своего отца. Книги для неё – это самые близкие друзья, но самое главное, это дверь в неизведанные миры. В отличие от отца, Мэгги предпочитает более современные книги.

“They were her home when she was somewhere strange. They were familiar voices, friends that never quarreled with her, clever, powerful friends—daring and knowledgeable, tried and tested adventurers who had traveled far and wide. Her books cheered her up when she was sad and kept her from being bored while Mo cut leather and fabric to the right size and re-stitched old pages that over countless years had grown fragile from the many fingers leafing through them”.

Элеонор – тетушка Мэгги, которая коллекционирует книги. Каждая книга для Элиноор как бесценное сокровище, она оберегает и заботится о них. Однако стоит отметить, что она одинока. Книги заменяют ей общество людей.

“But she'll probably end up poor as a church mouse because she spends so much money on books. I think she'd sell her soul to the devil without thinking twice if he offered her the right book for it”.

“She's a real bookworm. I think she lives on print. Her whole house is full of books — looks as if she likes them better than human company”.

Элиноор так сильно любит книги, что считает их своими детьми, ухаживает за ними, оберегает, заботится, скучает по ним. Книги для нее — самое важное в жизни.

“You know that. They're my children, my inky children, and I look after them well. I keep the sunlight away from their pages, I dust them and protect them from hungry bookworms and grubby human fingers”.

В произведении автор использует олицетворение, наделяя книги человеческими качествами. Например, в начале произведения автор рассказывает нам о книге под подушкой Мэгги, которая нашептывает ей различные истории.

“I'm sure it must be very comfortable sleeping with a hard, rectangular thing like that under your head, her father had teased the first time he found a book under her pillow. Go on, admit it, the book whispers its story to you at night”.

Книги – живые люди, способные общаться между собой, а буквы приобретают двигательную способность.

“And where better could she learn that trade than in a house full of magical creatures, where fairies built their nests in the garden and books whispered on the shelves by night”?

“I tried again and again during the days and nights that followed, until my eyes were burning and the letters danced drunkenly on the page”.

Также, книги способны следить, молчать, чувствовать, спать, что представляет их живыми существами.

“The books in the white bookcases seemed to be watching Meggie, but they said nothing to her, as if they sensed that there was only one book Meggie could think about just now”.

“The morning sunlight was already filtering through the cracks of the shutters, but it was as silent in the big house as if even the books on the shelves were sleeping”.

В данном случае книга для героев выступает как ценный вещественный артефакт, который воздействует на осязание, обоняние, зрение и другие чувства. Книги – разодетые дамы на балу, имеющие платья. “Look at that!” he murmured. “What beauties! Like a party of ladies dressed in their best to go to a prince's ball”.

Книга представлена как объект, способный заманить, привлечь внимание читателя.

“The book she had been reading was under her pillow, pressing its cover against her ear as if to lure her back into its printed pages”.

“More likely it was made for a very rich man to enjoy. It's almost six hundred years old”.

Большое скопление книг сравнивается с горами, что показывает важность количества книг. Книги ценны сами по себе.

“There were books in the kitchen and books in the lavatory. Books on the TV set and in the closet, small piles of books, tall piles of books, books thick and thin, books old and new”.

Книги наделяются человеческими качествами, способными вызвать эмоции, помочь в беде, прогнать страх.

“Her books cheered her up when she was sad and kept her from being bored”.

“Books loved anyone who opened them, they gave you security and friendship and didn't ask anything in return; they never went away, never, not even when you treated them badly”.

Книги как способ собрать воспоминания, впечатления.

“If you take a book with you on a journey», Mo had said when he put the first one in her box, «an odd thing happens: the book begins collecting your memories. And forever after you have only to open that book to be back where you first read it”.

Книги переносят в другой мир, помогают сбежать от реальности в волшебный мир чудес.

“It always took him a few moments to find his way out of that other world, the labyrinth of printed letters”.

“You're the one who says books have to be heavy because the whole world's inside them», said Meggie, making him laugh for the first time that morning”.

Книги сравниваются с птицами, такие же хрупкие и ранимые.

“He held it very carefully, like a bird with a broken wing”.

“While the books went up in sparkling whirls, and blew away on a wind turned dark with burning”.

Герои книг как способ перевоплощения, подражания. Герои книг способны вселить мужество, поднять самооценку, показать пример «правильного» поведения.

“She tried to think of some hero out of one of her books, someone whose skin she could slip into, to make her feel stronger, bigger, braver”.

Книга сравнивается с едой, которую хочется съесть.

“Some books should be tasted some devoured, but only a few should be chewed and digested thoroughly”.

Книги сравниваются с частями тела человека, что показывает важность книг для человека.

“They burned beautifully, like the very best firewood, and their pages — ah, they quivered like pale little fingers”.

Части тела сравниваются с книгами.

“Dustfinger's face was a closed book, and Meggie had the feeling that if anyone tried reading it he would rap their knuckles”.

“Sometimes she managed to glance at strangers from oncoming cars, but their faces instantly fled into the distance, like a book that was opened and then closed”.

Строки из книги похожи на лабиринт букв, который привлекает внимание.

“He had no idea how long he had been standing there, his eyes lost in the labyrinth of letters”.

Книги сравниваются с ценными сокровищами.

“She remembers him from early childhood – how her father picks up a book, gently runs his hand over the binding and opens it, like a chest filled to the brim with unprecedented treasures”.

Книги представлены как последний шанс выжить, последняя надежда.

“Dustfinger looked longingly at the books as a man dying of thirst might look at the last glass of water in existence”.

Автор показывает, что книга важна как человеческая жизнь.

“You know what they say: when people start burning books they'll soon burn human beings”.

Чтение книг как способ жить в другой реальности.

“At least the poor fool does know his way around books — he lives in them like one of those pale worms that feed on paper”.

“We both know what happiness it is to dive into a book and live inside it for some time, but to part with your story and get into our world – this, apparently, does not bring happiness to anyone”.

Слова приобретают качества людей Мегги и Мортимер как никто другой понимают безграничную силу прочитанных ими слов и свою ответственность как читателей.

“He lured them from the pages, and the words seemed to be just waiting to hear his voice – long and short, biting and soft, purring, cooing words. They circled around the room, formed into pictures made of multi-colored glass and tickled the skin”.

Противопоставление важности книги. Автор сравнивает книги с ковриками для вытирания ног.

“In all the rooms they threw books from the shelves and trampled on them like rugs for wiping their feet”.

Книги похожа волшебство.

“The magic is in books, and I know no more about its mechanism than you or your people”.

В произведении «Чернильное сердце» метафоры, связанные с книгами и словами, приобретают глубокий аксиологический смысл.

«Книги как живые существа» – подчеркивает бесценность литературы, её способность «жить» и влиять на человека.

“Books have to be heavy because the whole world’s inside them”.

«Слова как заклинания» – показывает силу речи, её способность создавать и разрушать реальность.

“The words I read became real in my mouth, as if I had conjured them up”.

«Истории как лабиринты» – символизирует сложность повествования и необходимость поиска истины.

“Every story is a labyrinth, some with paths so narrow and twisting, you may never find your way out”.

«Пламя, сжигающее книги» – метафора уничтожения культуры, борьбы со свободой мысли.

“Fire was licking at the pages, devouring the words as if they had never existed”.

Таким образом, метафоры в «Чернильном сердце» выступают как аксиологемы, выражая ключевые ценности: важность книги, силу слова, магию чтения и опасность их уничтожения.

Таким образом, К. Функе осмысляет феномен чтения как магическую способность читателя влиять на художественный мир. В таком изображении читателя отражается идея того, что мы также принимаем участие в создании литературного произведения. Причем художественное воплощение этой идеи поднимает и такой важный вопрос как ответственность читателя перед литературой. Сам же художественный текст становится живым и развивающимся, что приравнивает его к другой, но такой же целостной, как и наша, реальности.

Итак, нами был проведен анализ по частям речи, где ведущей частью речи при описании книг в данном романе являются глаголы, так как они формируют представление о чтении как о динамичном процессе. Было выделено 62 метафорические модели, которые актуализируют отношение к книгам и чтению главных героев.

Чтение книг представлено как явление, обладающее мощным аксиологическим значением. Оно не только погружает человека в волшебный мир воображения, но и несёт в себе этическую, эстетическую и духовную ценность.

2.4. Анализ метафорических моделей актуализирующих тему книг и чтения

В пункте 2.3 мы представили лексико–стилистический анализ темы книг и чтения в романах «451 градус по Фаренгейту», «Книжный вор», «Чернильное сердце». Мы показали, что чтение книг является не просто процессом усвоения информации, но и значимым культурным и духовным феноменом, который влияет на формирование личности, мировоззрения и системы нравственных ориентиров. На основе проделанного анализа трех указанных выше произведений мы смогли выделить 4 наиболее частотные группы метафорических моделей, объединенных сферой–источником.

Проанализировав полученный материал, мы выделили 4 наиболее частотные группы метафорических моделей, объединенных сферой–источником:

1. Антропоморфная метафора (сфера–источник – человек, части его тела) (“human being”) – 21 единица.

2. Природоморфная метафора (сфера–источник – природа) (“nature”) – 54 единицы.

3. Социоморфная метафора (сфера–источник – социальные явления) (“social relations”) – 11 единиц.

4. Артефактная метафора (сфера–источник – предметы, вещи), (“article (thing)”) – 38 единиц.

Согласно классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры, которые относятся к данным группам, отождествляют части человеческого опыта с объектами или веществами. Важную роль играет персонификация, наиболее полно представленная в группе антропоморфных метафор. Ниже представлены наиболее яркие примеры из метафорических моделей.

Антропоморфная метафора (сфера–источник – человек, части его тела) (“human being”) – 21 единица.

1. Книга – человек.

Фрейм «Книги – разодетые дамы на балу».

Автор изображает красивые обложки книг и сравнивает их с девушками на балу.

Dustfinger took out the flashlight from under his coat and shone it on them. «Look at that!» he murmured. «What beauties! Like a party of ladies dressed in their best to go to a prince's ball».

Фрейм «Книга – человек».

Книга наделяется человеческими особенностями.

To me it means texture. This book has pores. It has features. This book can go under the microscope. You'd find life under the glass, streaming past in infinite profusion.

Фрейм «Книга – ребенок».

Книга сравнивается с ребенком, которого любят и заботятся о нем.

You know that. They're my children, my inky children, and I look after them well. I keep the sunlight away from their pages, I dust them and protect them from hungry bookworms and grubby human fingers.

Фрейм «Книга – предатель».

Автор сравнивает книгу с предателем, которая способна открыть нам всю правду, даже «болезненную».

What traitors books can be! You think they're backing you up, and they turn on you.

2. Книга – орган человека.

Фрейм «Книга – кость».

Сравнение с костями человека изображает важность книг, как и костей для организма человека.

To her right, a book protruded like a bone. Its paleness was almost scarred by the dark lettering of the title.

Природоморфная метафора (сфера – источник – природа) (“nature”) – 54 единицы

Природный мир животных и растений представляет богатый спектр источников метафоризации.

1. Книга – это животное («A book is an animal»).

Фрейм «Книга – птица».

Книга сравнивается с птицей, такой же хрупкой и ранимой:

1. ...while the flapping pigeon-winged books died on the porch and lawn of the house.

2. While the books went up in sparkling whirls and blew away on a wind turned dark with burning.

Слот 1. Книга – белый голубь.

Автор изображает книгу как белого голубя, признака мира и чистоты.

A book alighted, almost obediently, like a white pigeon, in his hands, wings fluttering.

Слот 2. Книга – подбитая птица.

Книга сравнивается с подбитой птицей, так как ее легко ранить, порвать, а листы похожи на крылья птиц в момент падения.

They fell like slaughtered birds and the woman stood below, like a small girl, among the bodies.

Слот 3. Книга – перо птицы.

Страница книги такая же легкая как перышко.

In the dim, wavering light, a page hung open and it was like a snowy feather, the words delicately painted thereon.

Слот 4. Страницы в книгах – лебединые перья.

...there on the floor, their covers torn off and spilled out like swan-feathers, the incredible books that looked so silly and really not worth bothering with, for these were nothing but black type and yellowed paper, and ravelled binding.

Слот 5. Книги – опаленные птицы.

Страницы в книгах можно легко поджечь, и они хорошо горят, как и перья птиц.

The books leapt and danced like roasted birds, their wings ablaze with red and yellow feathers.

Слот 6. Книга – птица со сломанным пером.

Книги очень хрупкие и легко могут быть порваны, сломаны.

He was standing at one of the reading desks with a book in his hand. Its spine hung only by a couple of threads. He held it very carefully, like a bird with a broken wing.

Фрейм «Книга – свежая рыба».

Книги были разложены как рыба, занимали все пространство.

The books lay like great mounds of fishes left to dry.

Фрейм «Книга – зверь с когтями».

Чтение книг может таить опасность, так как может изменить мировоззрение читателя.

You play God to it. But who has ever torn himself from the claw that encloses you when you drop a seed in a TV parlour?

2. Книга – это явление природы (A book is a natural phenomenon).

Фрейм «Книга – лавина».

Большое количество падающих книг сравнивается с лавиной.

A fountain of books sprang down upon Montag as he climbed shuddering up the sheer stair-well.

Фрейм «Книга – вулкан».

Необычное скопление книг сравнивается с чем-то удивительным, похожим на вулкан.

From further away, it looked like something volcanic. Or something grotesque and alien that had somehow landed miraculously in the middle of town and needed to be snuffed out, and fast.

Социоморфная метафора (сфера–источник – социальные явления) (“social relations”) – 11 единиц.

Социоморфная метафора представляет модели, которые используют в качестве сферы – источника явления социальной жизни.

Фрейм «Спор о книгах – поединок».

В произведениях чтение книг является камнем преткновения и с помощью чтения можно показать к какому лагерю принадлежит герой – к бездумному большинству или к читающему меньшинству.

I lay down to rest, and dreamed that you and I, Montag, were having a furious argument about books. You threw thunder and lightning and poured quotes, and I calmly repelled your every attack.

Фрейм «Книги – игра в карты».

Чтение книг сравнивается с азартной игрой, так как может завлечь на долгое время.

Somehow he had picked up the spilled books; he didn't remember bending or touching them. He kept moving them from hand to hand as if they were a poker hand he could not figure.

Фрейм «Книга – спасение».

Книга как способ побега от реальности и получения помощи в трудной ситуации.

Dustfinger looked longingly at the books as a man dying of thirst might look at the last glass of water in existence.

Артефактная метафора (сфера–источник – предметы, вещи), («article (thing)») – 38 единиц.

Артефактная метафора передает отношение к предметам.

Фрейм «Книга – это предмет (артефакт)».

К данной модели относятся случаи метафорического уподобления книги предметам, иногда метафоризация основана на внешнем сходстве, но, чаще всего, она основана на функциональном сходстве.

Фрейм «Книга – сундук с сокровищами».

Автор изображает книгу как сундук с сокровищами, показывая ее ценность для общества.

She remembers him from early childhood – how her father picks up a book, gently runs his hand over the binding and opens it, like a chest filled to the brim with unprecedented treasures.

Фрейм «Книги – коврики для вытирания ног».

Негативное изображение книг связано с отношением к чтению и пренебрежением литературных источников.

In all the rooms they threw books from the shelves and trampled on them like rugs for wiping their feet.

Фрейм «Книги – пряности».

Книги имеют приятный запах.

Do you know that books smell like nutmeg or some spice from a foreign land?

Фрейм «Книга – липучка».

Автор показывает, что книга способна сохранить в себе всю информацию, от которой просто так не избавиться.

... yes, books are like flypaper – memories cling to the printed page better than anything else.

Фрейм «Смысл в книгах – песок в сите».

При невнимательном чтении информация из книг может забываться, исчезать как песок.

There were people in the suction train but he held the book in his hands and the silly thought came to him, if you read fast and read all, maybe some of the sand will stay in the sieve.

Фрейм «Книга – помой».

Отрицательное сравнение показывает боязнь чтения книг, так как оно способно изменить мысли людей.

Books, so the damned snobbish critics said, were dishwater.

Фрейм «Книга – оружие».

Автор сравнивает книгу с оружием, как мощный источник информации, способный повлиять на жизнь людей.

A book is a loaded gun in the house next door.

Слот 1. «Книги – динамит».

Держать дома книги было опасно и книги сравниваются с запрещенными предметами, такими как динамит, который может взорваться в любой момент.

He searched the house and found the books where Mildred had stacked them behind the refrigerator. Some were missing and he knew that she had started on her own slow process of dispersing the dynamite in her house, stick by stick.

Слот 2. «Книга – бомба».

He clicked open the case as quietly as he could and planted the book like a bomb.

Фрейм «Книга – вместилище».

В рамках данного фрейма происходит сравнение с вместилищем, местом, где можно хранить всю информацию.

Books were only one type of receptacle where we stored a lot of things we were afraid we might forget.

Фрейм «Книги – еда».

Буквы сравниваются с едой, а информация в книгах с пищей для ума.
“You can’t eat books, sweetheart”.

Слот 1. «Слова в книгах – еда».

She was home, among the mayor’s books of every color and description, with their silver and gold lettering. She could smell the pages. She could almost taste the words as they stacked up around her.

Таким образом, в соответствии с диаграммой 4, мы можем сделать вывод, что в романах преобладают природоморфные метафоры, так как очень часто происходит сравнение с животными и неодушевленными предметами. Данные метафорические единицы являются наиболее распространенными из четырех видов метафор и наше исследование доказало это.

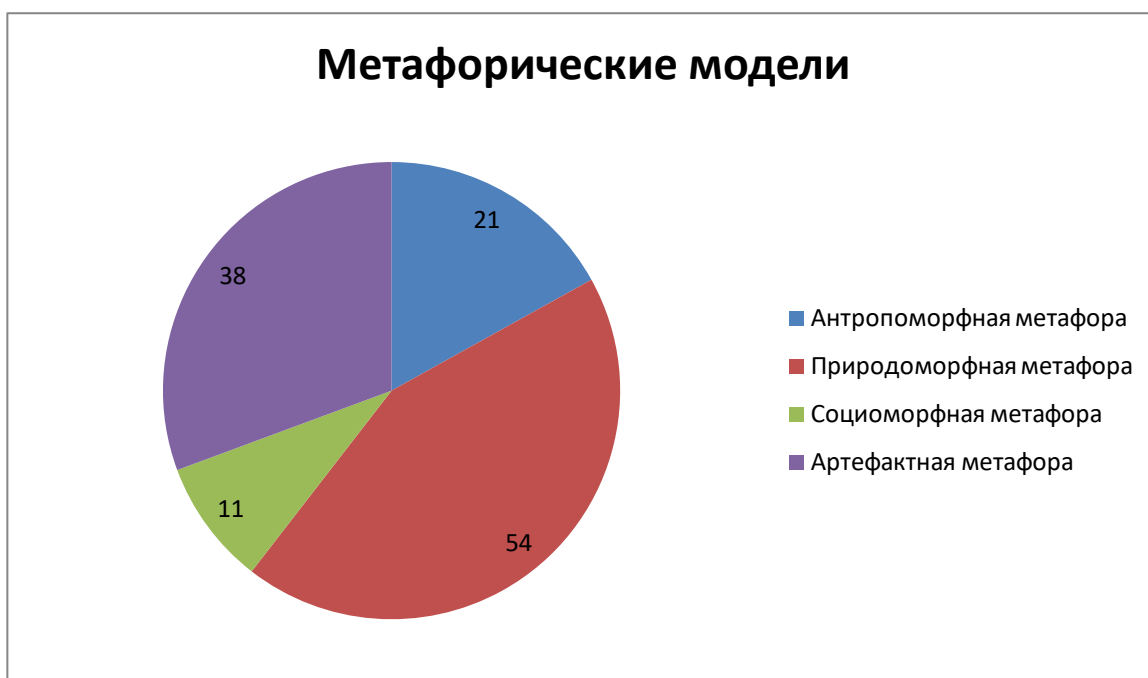

Диаграмма 4 – Метафорические модели

Метафоры в произведениях: «451 градус по Фаренгейту», «Книжный вор» и «Чернильное сердце» выступают аксиологемами, поскольку отражают ценностные смыслы, заложенные автором. В каждом из этих романов метафорические образы передают идею силы слова, книги и чтения как важнейших элементов человеческой культуры.

2.5. Методический комплекс упражнений на основе анализа лингвостилистических и аксиологических аспектов темы «Чтение книг» в художественном дискурсе

В настоящее время в лингвистике возрастает востребованность исследований, связанных с аксиологическим и лингвостилистическим подходами исследования чтения и книг в художественном дискурсе. Творчество таких писателей, как: Рэй Брэдбери, М. Зусак, Корнелия Функе занимают особое место в рамках современной литературы. Данные авторы используют большое количество метафор и метафорических эпитетов для выражения важности чтения.

Использование аутентичного материала помогает сформировать социокультурную компетенцию учащихся. Обучающиеся узнают о

современных английских текстах, через метафоры развивается их образное мышление, способность анализировать важные социо–культурные процессы. А языковая компетенция, непосредственно, развивается через систему упражнений.

Комплекс упражнений разработан для обучающихся 9 класса общеобразовательной школы рамках темы “Hobbies” и направлен на обсуждение увлечений и чтения как одного из видов увлечений и важности чтения в романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту».

Цель комплекса состоит в развитии языковых компетенций обучающихся, а именно навыков чтения и говорения с помощью практической работы с заданиями повышенной трудности. Работа с данным комплексом заданий формирует практические навыки различных видов речевой деятельности. Комплекс состоит из трех этапов, которые включают в себя 9 упражнений.

Тема данного комплекса упражнений направлена на ознакомление с лексическим материалом и формированием лексических навыков. Комплекс упражнений опирается на основные требования и положения ФГОС (Федерального государственного стандарта основного общего образования).

Согласно ФГОС, предметные результаты изучения иностранного языка на уровне ориентированы на применение знаний, умений и навыков в учебных ситуациях и реальных жизненных условиях и должны отражать сформированность иноязычной коммуникативной компетенции на допороговом уровне А2 в соответствии с Общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком в совокупности ее составляющих – речевой, языковой, социокультурной, компенсаторной, учебно–познавательной. Предметные результаты должны обеспечивать:

1) навыки говорения: знать как вести различные виды диалога в ситуациях общения; создавать связные монологические высказывания объемом 10-12 фраз с вербальными и (или) невербальными опорами или

без них в рамках тематического содержания речи; передавать главное содержание прочитанного/прослушанного текста;

2) слуховое восприятие и понимание несложных аутентичных текстов длительностью до 2 минут, которые содержат небольшое количество незнакомых слов;

3) навыки чтения: читать про себя и понимать несложные аутентичные тексты объемом 450-500 слов;

4) навыки письменной речи: заполнять анкеты, сообщать о себе основные сведения; писать сообщение личного характера объемом 100-120 слов;

5) фонетические навыки (различать на слух и адекватно произносить слова с правильным ударением и фразы с соблюдением их ритмикоинтонационных особенностей); владеть правилами чтения и осмысленно читать вслух небольшие аутентичные тексты (объемом до 120 слов); пунктуационно правильно оформлять прямую речь и электронное сообщение личного характера;

б) навык понимания основных значений изученных лексических единиц (слов, словосочетаний, речевых клише); основных способов словообразования; особенностей структуры простых и сложных предложений и различных коммуникативных типов предложений изучаемого иностранного языка; признаков изученных грамматических явлений;

7) навыки употребления в устной и письменной речи не менее 1350 изученных лексических единиц, включая 500 лексических единиц, освоенных в начальной школе, и образования родственных слов с использованием аффиксации, словосложения, конверсии;

8) навыки распознавания и употребления в устной и письменной речи изученных морфологических форм и синтаксических конструкций в рамках тематического содержания в соответствии с решаемой коммуникативной задачей;

9) социокультурные знания и умения: знать/понимать речевые различия в ситуациях официального и неофициального общения в рамках тематического содержания речи и использовать лексико–грамматические средства с учетом этих различий; иметь элементарные представления о различных вариантах изучаемого иностранного языка;

10) компенсаторные навыки: использовать при говорении переспрос; при говорении и письме – перифраз/толкование, синонимические средства, описание предмета вместо его названия; при чтении и аудировании – языковую и контекстуальную догадку;

11) учебные навыки: перерабатывать иноязычные тексты с использованием способов раскрытия значения новых слов и с определением их грамматической формы; использовать иноязычные словари и справочники;

12) опыт практической деятельности в повседневной жизни: участвовать в учебно–исследовательской, проектной деятельности предметного и межпредметного характера с использованием иноязычных материалов и применением информационно–коммуникационных технологий; знакомить представителей других стран с культурой родной страны.

Данный комплекс упражнений может быть использован в рамках темы “Hobbies” УМК Вербицкая М.В., Маккинли С. “Forward” для 9 класса общеобразовательной школы при обсуждении увлечений и важности чтения. Так как ключевой темой в романе является тема чтения книг, данный комплекс упражнений будет полезен с точки зрения приобщения школьников и мотивации чтения книг.

1. Warming–up

Answer the questions

1. Do you have any hobbies?
2. Do you prefer reading books or watching TV? Why?
3. Describe your typical day.

Подготовительный этап (отработка лексических навыков и навыков чтения).

2. Read the metaphors and their translations. Then match each metaphor with its meaning. Explain the comparison in the Table 1.

Таблица 1 – упражнение 2

“The books lay like great mounds of fishes left to dry”.	«Книга — это заряженное ружье в доме соседа».
“A book is a loaded gun in the house next door”.	«Книги подскакивали и металась, как опаленные птицы — их крылья пламенели красными и желтыми перьями».
“The books leapt and danced like roasted birds, their wings ablaze with red and yellow feathers”.	«Не пытайтесь судить о книгах по обложкам».
“Don’t judge a book by its cover”.	«Поверь мне, книги подобны липучке. Ничто не сохраняет наши воспоминания лучше книжных страниц».
“Yes, books are like flypaper—memories cling to the printed page better than anything else”.	«Книги лежали, как груды свежей рыбы, сваленной на берег для просолки».
“He held it very carefully, like a bird with a broken wing”.	«Он держал ее очень осторожно, как птицу со сломанным крылом».

3. Fill in the gaps. Use the words from the list

Books, gun, birds, cover, flypaper, wing.

- 1) the _____ lay like great mounds of fishes left to dry;
- 2) a book is a loaded _____ in the house next door;
- 3) the books leapt and danced like roasted _____, their wings ablaze with red and yellow feathers;
- 4) don’t judge a book by its _____;
- 5) yes, books are like _____—memories cling to the printed page better than anything else;
- 6) he held it very carefully, like a bird with a broken _____.

4. Comment on the metaphors. Explain the author’s comparison.

- 1) a book is a loaded gun in the house next door;
- 2) don’t judge a book by its cover;
- 3) he held it very carefully, like a bird with a broken wing.

5. Match these metaphors with the main topics and their origin.

The books lay like great mounds of fishes left to dry.	Книги лежали, как груды свежей рыбы, сваленной на берег для просолки.
A book is a loaded gun in the house next door.	Книга — это заряженное ружье в доме соседа
He kept moving them from hand to hand as if they were a poker hand he could not figure.	Сейчас он перекладывал их из одной руки в другую, словно игрок карты, перед тем как сделать сложный ход.

Таблица 2 – Основные темы метафор

A	B	C
Weapon	Animals	Games

Второй этап. Снятие лингвистических трудностей

6. Find metaphors in each fragment.

Metaphor is a hidden comparison without “like” or “as” based on analogy and partial similarity.

1) a book alighted, almost obediently, like a white pigeon, in his hands, wings fluttering;

2) they fell like slaughtered birds and the woman stood below, like a small girl, among the bodies;

3) Montag felt the hidden book pound like a heart against his chest.

7. Write your own metaphors about books or reading. Use analogies from nature, art, or everyday life. Then explain what you meant.

Третий этап. Творческий этап.

8. Choose one of the metaphors and draw an illustration that reflects the meaning of the metaphor.

1) the books lay like great mounds of fishes left to dry;

2) a book is a loaded gun in the house next door;

3) he kept moving them from hand to hand as if they were a poker hand he could not figure;

4) a book alighted, almost obediently, like a white pigeon, in his hands, wings fluttering;

5) Montag felt the hidden book pound like a heart against his chest.

9. Discuss with the class the proverb “Don't judge a book by its cover” and give examples from life or literature when the first impression turned out to be wrong.

Критерии оценивания.

1 этап. Оценку «5» получает ученик, который понял главные факты, выделил значимую информацию, догадался о значении незнакомых слов по контексту, привёл аргументацию своей позиции. Оценку «4» получает ученик, который верно выполнил 70% упражнений 1 этапа и аргументировал свою позицию в одном из двух упражнений. Оценка «3» ставится при верном выполнении 50 % заданий 1 этапа. Оценка «2» ставится, если ученик понял менее 50 % текста и не привёл аргументацию своей позиции.

2 этап. Оценку «5» получает ученик, если он верно выполнил больше 70% заданий этапа. Оценку «4» получает ученик, который верно выполнил 70% упражнений. Оценка «3» ставится при верном выполнении 50 % заданий. Оценка «2» ставится, если ученик верно выполнил менее 50 % заданий.

3 этап. Оценку «5» получает ученик, если он справился с задачами этапа. Его речь была связной и логически последовательной. Диапазон используемых языковых средств достаточно широк. Языковые средства были употреблены верно, практически отсутствовали ошибки, которые нарушают коммуникацию, или они были незначительны. Наблюдалась легкость речи и правильное произношение. Оценка «4» выставляется, если учащийся выстраивает ответ связно и последовательно, однако, совершает ошибки, которые нарушают коммуникацию. Оценку «3» получает ученик, если он сумел в основном решить поставленную речевую задачу, но диапазон языковых средств был ограничен, объем высказывания был меньше нормы. Ученик допускал языковые ошибки. В некоторых местах нарушалась последовательность высказывания. Оценка «2» ставится

ученику, если он только частично справился с решением коммуникативной задачи. Работа не соответствовала указанным требованиям. Учащийся совершил большое количество ошибок, которые нарушают общение.

Общая оценка «3» ставится при верном выполнении двух и более этапов на «3». Общая оценка «4» ставится при верном выполнении двух и более этапов на «4» и отсутствии оценки «2». Общая оценка «5» при верном выполнении двух и более этапов на «5» и отсутствии оценок «2» или «3».

Вывод по второй главе

Во второй главе исследования «Лингвостилистический и аксиологический аспект изучения темы Чтение книг в художественном дискурсе» была проведена углубленная оценка трех художественных текстов («451 градус по Фаренгейту», «Воровка книг», «Чернильное сердце»), в которых чтение книг становится центральной темой. Анализ показал, что авторы используют метафоры и метафорические эпитеты и олицетворения для передачи не только эстетических, но и философских смыслов, связанных с чтением. Наиболее частотной является природоморфная метафора, что связано с возможностью передачи образа книги и важности чтения через интерпретацию растительного и животного мира.

Выявлено, что чтение книг в художественном дискурсе часто выступает как метафора поиска истины, самопознания и внутренней свободы. Литературные персонажи, которые читают книги, становятся катализаторами изменений как в своих судьбах, так и в судьбах окружающих. Чтение представляется как процесс, способствующий трансформации личностных ценностей и социальных норм.

С точки зрения аксиологии, книги рассматриваются как источник знаний и моральных ориентиров, который способствует формированию критического мышления и социальной ответственности.

Также во второй главе были проанализированы лингвостилистические особенности, представленные по частям речи (существительные, прилагательные и наречия, глаголы), были выявлены наиболее частотные языковые единицы в каждом произведении. Анализ показал, что в текстах доминируют лексемы с положительной коннотацией, связанные с такими аксиологемами, как ценность чтения, сила слов, эмоции и память. Однако также встречаются единицы с отрицательной окраской, что подчёркивает антагонистическую роль запрета книг и попытки их уничтожения. Был проведен анализ метафорических моделей, выявлена наиболее часто употребляемая модель – природоморфная метафора, что говорит о передаче важности чтения через образы животного и растительного мира. Выявленные метафоры, функционирующие как аксиологемы позволяют глубже понять ценностные ориентиры произведений. В обоих текстах книги представлены как мощный инструмент влияния, способный как вдохновлять, так и вызывать страх у тех, кто стремится к контролю.

Таким образом, проведённый лингвостилистический анализ демонстрирует, что художественные средства в анализируемых произведениях не только создают выразительность текста, но и передают философский смысл чтения как акта познания, свободы и сопротивления.

Разработанный комплекс упражнений помогает раскрыть важность чтения школьникам, познакомить их с наиболее яркими метафорическими языковыми единицами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В дипломной работе в процессе решения поставленных задач были рассмотрены основные теоретические аспекты данной темы, работы лингвистов, которые занимались изучением лингвостилистического и аксиологического аспектов анализа художественного дискурса, такие как: Н.Д. Арутюнова, А.П. Чудинов, Дж. Лакофф и М. Джонсон, С.Г. Павлов, Е.М. Вольф и др.

Определение стратегии анализа в первой главе позволило нам провести систематизацию лингвостилистических особенностей произведений и выделить наиболее частотные части речи в таких произведениях, как: «451° по Фаренгейту Рэя Брэдбери, «Книжный вор» М. Зусак, «Чернильное сердце» К. Функе. Выявленные языковые единицы отражают систему ценностей, заложенную авторами, эти единицы передают ключевые аксиологемы, связанные с восприятием книги и чтения как значимых культурных феноменов. Также, был проведен анализ метафорических моделей, основанный на теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, так как данные тексты насыщены метафорами, метафорическими эпитетами и олицетворениями, которые являются ключевым аксиологическим аспектом при описании важности чтения книг в данных романах. Теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона основана на том, что метафора проникает в повседневную жизнь каждого человека, не только в язык, но и в мышление и деятельность.

Изучив монографию А.П. Чудинова, который разделил метафоры на антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную, мы сделали вывод, что в данных романах наиболее частотна природоморфная метафора (54 словоупотребления), так как данный вид метафорической модели позволяет передать динамичность воздействия книги на человека, символизирует силу знаний, и усиливает эмоциональную глубину произведений, создавая яркие образы.

Таким образом, с точки зрения аксиологического аспекта, метафора является ключевой языковой единицей, выражающей важность чтения книг, так как наиболее ярко передает процесс чтения и отношение к этому процессу.

В ходе исследования лингвостилистического и аксиологического аспектов темы «Чтение книг» в художественном дискурсе была выявлена многогранность и сложность представления этой темы в литературе. Анализ произведений позволил не только рассмотреть стилистические приемы, используемые авторами для передачи значимости чтения, но и выявить аксиологические установки, которые формируют отношение общества к книге как к источнику знаний, культуры и моральных ценностей.

Лингвостилистический подход продемонстрировал, как через различные лингвостилистические средства авторы создают образы книги, подчеркивающие ее роль в жизни персонажей и общества в целом. Чтение представляется не просто как процесс, а как важный элемент формирования личности, способствующий развитию критического мышления и эмоциональной глубины.

С точки зрения аксиологии, тема чтения книг становится отражением культурных и социальных ценностей. Проанализированные произведения показывают, как чтение воспринимается как акт сопротивления, самопознания и духовного роста. В контексте современного мира, где цифровые технологии становятся доминирующими, важность книги как объекта изучения и источника вдохновения остается актуальной.

Таким образом, исследование лингвостилистических и аксиологических аспектов чтения книг в художественном дискурсе не только обогащает понимание литературных текстов, но и подчеркивает значимость книги в формировании культурной идентичности и моральных ориентиров общества. Данная работа открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области литературы и ее влияния на человеческое сознание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянской культуры, 1995. – 769 с. – ISBN 5-88766-045-7.
2. Асратян З. Д. Дискурс и текст художественного произведения / З. Д. Асратян; Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – Челябинск, 2015. – С. 17-20.
3. Барт Р. Избранные работы : Семиотика : Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. – Москва : Прогресс, 1989. – 610 с.
4. Богданов В. В. Текст и текстовое общение : учеб. пособие / В. В. Богданов : СПбГУ. — Санкт-Петербург, 1993. – 68 с.
5. Большой энциклопедический словарь : языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с., с. 438
6. Борковец Н.И. Техническая метафора в художественной картине мира (на материале немецкой прозы XX века и ее переводов на русский язык) : Дисс. на соиск. канд. ст. / Н. И. Борковец; – Екатеринбург, 2000. – 203 с.
7. Боротько В. Г. Элементы теории дискурса / В. Г. Боротько. – Грозный : Изд-во Чечено–Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 133 с., с. 8
8. Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту : научно–фантастический роман – антиутопия / Р. Брэдбери; Эксмо. — Москва, 2018. – 396 с.
9. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. — 280 с.
10. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса / Т. А. Ван Дейк. – Санкт–Петербург : Сэйджапбликейшнс, 1998. – 384 с.
11. Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация / Т.А. Ван Дейк. – Москва., 1989.

12. Вежбицкая А. Лексическая семантика в культурно–сопоставительном аспекте / А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – с.546, с.51
13. Волков В.В. Лексический минимум книговедения : аксиологический и лингвокультурологический аспекты / В.В. Волков. – Тверь: Образование, 2021.
14. Галеева Н. Л. Параметры художественного текста и перевод: учеб. пособие/ Н. Л. Галеева. – Тверь, 1999. – 155 с.
15. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования : учеб. пособие / И.Р. Гальперин. – 9-е изд. – Москва, 2007. – 148 с.
16. Гудмен Н. Метафора – работа по совместительству / Н. Гудмен – Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990.
17. Гуо, Хуиян. Особенности дискурса художественного произведения / Х. Гуо // Молодой ученый. — № 20 (154). — с. 483-486. — 2017. — URL: <https://moluch.ru/archive/154/43562/> (дата обращения: 08.10.2024)
18. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса : прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева ; ТГТУ. – Тамбов : ТГТУ, 2007. – 288 с.
19. Дейк Т. А. К определению дискурса / Т. А. Ван Дейк // Ideology: A Multidisciplinary Approach. — 2011. – URL: <http://tinyurl.com/ccdv3ca> (Дата обращения: 01.04.2023).
20. Дейк Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1988. – С. 153– 211.
21. Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянов, Язык и структуры представления знаний. – Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 1992. – с. 39-77.
22. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.

23. Загнитко А. П. Основы дискурсологии / А. П. Загнитко. – Донецк : ДонНУ, 2008. – 194 с
24. Зусак М. Книжный вор : роман / М. Зусак. – Москва : Эксмо, 2019.
25. Зяблова Н. Н. Дискурс и его отличие от текста / Н. Н. Зяблова // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 223–225.
26. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – Москва : ЛКИ, 2008. — 288 с.
27. Казыдуб, Н.Н. Аксиологические системы в инновационном пространстве лингвистического образования // Система обеспечения качества лингвистического образования: инновационные подходы: тезисы науч. – практич. конф. в рамках Инновационной образовательной программы МГЛУ «Система формирования языковой компетентности – важный фактор инновационного развития России (Лингвапарк)». — Иркутск, 2008. — С. 5-20.
28. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик — Волгоград, 2002. — 477 с.
29. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Институциональный и персональный дискурс : Сб. науч. тр. — Волгоград, 2000. — С. 5-20.
30. Кашкин В. Б. Дискурс : учеб. пособие по специальности 031301 (021800) Теоретическая и прикладная лингвистика. ОПД.Ф.06 / В. Б. Кашкин. — Воронеж, 2004. — 76с.
31. Кенжегараев Н. Д. Особенности дискурсивного анализа художественного текста / Н. Д. Кенжегараев // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 228–231.
32. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. в виде науч. докл. д-ра филол. наук / Кибрик Андрей Александрович; Российская Академия Наук Институт Языкознания. — Москва, 2003. — 90 с.

33. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. –М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с
34. Котлярова И.В. Когнитивно–дискурсивное направление как магистральный путь развития современной лингвистики / И.В. Котлярова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2013. – № 3 (143). – С. 88–95.
35. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. Языки славянской культуры – Москва, 2004. — 560 с.
36. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – Москва : Издательство МГУ, 1996. – 245 с.
37. Кулибина Н. В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя / Н. В. Кулибина // Мир русского слова. – 2001. – № 1. – С. 111–122.
38. Лакофф Дж. Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – Москва, 1996. – С. 143–185.
39. Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект / Ю.М. Лотман. – Таллинн, 1992. – 196 с.
40. Макеенко Е. В. Автор и читатель в структуре художественного текста (на материале русской литературы 1990-х - 2010-х гг.) : автореф. дис. канд. филол. наук. / Е. В. Макеенко. – Новосибирск, 2013. – 19 с.
41. Манаенко Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку / Г. Н. Манаенко // Язык. Дискурс : Межвуз. сб. науч. ст. Пятигор. гос. лингв. ун-т — Ставрополь, 2003. — С. 26-40.
42. Манерко Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах / Л.А. Манерко // Вестник Моск. ун-та. – 2013. – Сер. 22. Теория перевода. – с. 100-118.
43. Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов – Москва : Высш. школа, 1998.
44. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

45. Плеханова Т. Ф. Текст как диалог : монография / Т. Ф. Плеханова. — Минск : МГЛУ, 2002 — 253 с.
46. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивные лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток–Запад, 2007. — 314 с.
47. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня; Слово и миф. — Москва : Правда, 1989. — С. 17-200.
48. Почепцов Г. Г. Прагматические особенности текста / Г. Г. Почепцов // Прагматическая интерпретация и планирование дискурса: Тез. совещания–семинара. — Пятигорск : Изд-во Пятигорского пед. ин-та ин. яз., 1991. — с. 12–33.
49. Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций / О.Ф. Русакова Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ (серия «Дискурсология»). — Екатеринбург : Издательский Дом Дискурс–Пи, 2006. — С. 11-30.
50. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А. В. Рудакова. — Воронеж : «Истоки», 2004. — 80 с.
51. Самарская Т. Б., Мартиросьян Е. Г. Художественный дискурс: специфика составляющих и организация художественного текста /Т.Б. Самарская, Е.Г. Мартиросьян // Сфера услуг: инновации и качество. — 2012. — № 10. — с. 20.
52. Сапиева С. К. Литературно–художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике / С. К. Сапиева // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. — 2021. — №4. — С. 10–15.
53. Седов К. Ф. Дискурс и личность : эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва, 2004. — 317 с.
54. Серебренникова Е.Ф. Аксиологическое измерение дискурса / Е.Ф. Серебренникова // Вестник МГЛУ. — 2015. — №21. — С. 25–31.
55. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века / Сб. ст. РГГУ под ред. Ю.С. Степанова. — Москва, 1995. — С. 35–73.

56. Степанов Ю. С. Дискурс / Ю. С. Степанов / Язык и наука конца XX века : сборник статей РГГУ. – Москва, 1995. – С. 36-45.
57. Сусов И. П. Введение в языковедение: учеб. пособие / И. П. Сусов. – 2-е изд. – Москва, 2007. – 397 с.
58. Сычева Е. В. К проблемам понимания термина «дискурс» / Е. В. Сычева // Молодой ученый – 2011. – №4 – С. 42-46.
59. Телия В. Н. Типы языковых значений : Связанное значение слова в языке : автореф. дис. канд. филол. наук / Телия В. Н. – Москва : МГУ, 1981. – 26 с.
60. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования : официальный сайт. – URL: <http://www.fgos.ru> (дата обращения 01.12.2024).
61. Харрис З. С. Дискурс-анализ / Зеллиг Саббеттай Харрис : Америка : Linguistic Society of America, 1952. – 30с.
62. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская : Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – Санкт–Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11–22.
63. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : Монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2003. – 248 с
64. Цыбина Ю.Ю. Лингвистическая сущность метафорических моделей в педагогическом дискурса / Ю.Ю. Цыбина. // Филологические науки. – 2012. – №1 –С.13-18.
65. Шайтанов, И. О. Английский романтизм / И. О. Шайтанов // История зарубежной литературы XIX в. – Москва, 1991. – Сб. 2, ч. 1. – С. 55–68.
66. Щерба Л.В. "Опыты лингвистического толкования стихотворений" (1922 г.)

67. Щербитко А.В. Тема и образ книги в романе Р. Бредбери «451 градус по Фаренгейту» /А.В. Щербитко // Филологические науки. – 2012. – №3 – С.5–8.

68. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / составители Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

69. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) : учеб. пособие / Е. С. Яковлева. – Москва, 1994. – 343 с.

70. Blum-Kulka 1997 – Blum-Kulka Sh. Discourse Pragmatics // Discourse as Social Interaction : Discourse Studies : A Multidisciplinary Introduction / ed. By T. A. van Dijk. London : SAGE, 1997. – Vol. 2. – p. 38–63.

71. Bradbury R. Fahrenheit 451 : dystopian novel / R. Bradbury; Ballantine Books. – USA, 1953.

72. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus // Cambridge Dictionaries Online. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 12.12.2024)

73. Dijk T. A. van. Studies in The Pragmatics of Discourse : Student's book / T. A. Dijk. – New York: Mouton Publishers, 1981. – 331 p. – ISBN 978-90-279-3249-5.

74. Schiffrin D. Discourse Markers / D. Schiffrin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.

75. Funke C. Inkheart : novel / C. Funke; Scholastic. – Germany, 2003.

76. Zusac M. The book thief : novel / M. Zusac; Picador. – Australia, 2006.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 3 – Метафорические модели в произведении «451 градус по Фаренгейту»

Рэй Брэдбери «451° по Фаренгейту»		
1.	...while the flapping pigeon-winged books died on the porch and lawn of the house.	...пока книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом.
2.	While the books went up in sparkling whirls and blew away on a wind turned dark with burning.	Они взлетают в огненном вихре, и черный от копоти ветер уносит их прочь.
3.	...a million forbidden books. Their names leapt in fire, burning down the years under his axe and his hose which sprayed not water but kerosene.	... списки запрещенных книг. Названия этих книг вспыхивали в огнях пожаров, когда годы и века рушились под ударами его топора и, политые струей керосина из шланга в его руках, превращались в пепел.
4.	A fountain of books sprang down upon Montag as he climbed shuddering up the sheer stair-well.	Лавина книг обрушилась на Монтэга, когда он с тяжелым сердцем, содрогаясь всем своим существом, поднимался вверх по крутой лестнице.
5.	Books bombarded his shoulders, his arms, his upturned face.	Книги сыпались на плечи и руки Монтэга, на его обращенное кверху лицо.
6.	None of those books agree with each other. You've been locked up here for years with a regular damned Tower of Babel. Snap out of it! The people in those books never lived. Come on now!	В этих книгах все противоречит одно другому. Настоящая вавилонская башня! и вы сидели в ней взаперти целые годы. Бросьте все это. Выходите на волю. Люди, о которых тут написано, никогда не существовали.
7.	But then the world got full of eyes and elbows and mouths. Double, triple, quadruple population. Films and radios, magazines, books levelled down to a sort of paste pudding norm.	...когда в мире стало тесно от глаз, локтей, ртов, когда население удвоилось, утроилось, учетверилось, содержание фильмов, радиопередач, журналов, книг снизилось до известного стандарта. Этакая универсальная жвачка.
8.	More cartoons in books. More pictures. The mind drinks less and less.	Больше книг с картинками. Больше фильмов, а пищи для ума все меньше.
9.	... and if there is anything meaningful in these books, even a grain of reason in the midst of chaos, maybe we can pass it on to others.	... и если есть хоть что-нибудь толковое в этих книгах, хоть крупица разума среди хаоса, может быть, мы сможем передать ее другим.
10.	There were people in the suction train but he held the book in his hands and the silly thought came to him, if you read fast and read all, maybe some of the sand will stay in the sieve	В вагоне были люди, но он, не скрываясь, держал книгу в руках, и в голову ему вдруг пришла нелепая мысль: если читать быстро и все подряд, то хоть немного песка задержится в сите.
11.	“So now do you see why books are hated and feared? They show the pores in the face of life.	Почему книги вызывают такую ненависть, почему их так боятся? они показывают нам поры на лице жизни.

12.	The comfortable people want only wax moon faces, poreless, hairless, expressionless.	тем, кто ищет только покоя, хотелось бы видеть перед собой восковые лица, без пор и волос, без выражения.
13.	He searched the house and found the books where Mildred had stacked them behind the refrigerator. Some were missing and he knew that she had started on her own slow process of dispersing the dynamite in her house, stick by stick.	Монтэг обыскал весь дом и нашел наконец книги за холодильником, куда их засунула Милдред. нескольких не хватало, и Монтэг понял, что Милдред сама начала понемножку изымать динамит из своего дома.
14.	For these were the hands that had acted on their own, no part of him, here was where the conscience first manifested itself to snatch books, dart off with job and Ruth and Willie Shakespeare,	В них впервые проявило себя его сознание, реализовалась его тайная жажда схватить книгу и убежать, унося с собой иова, руфь или Шекспира.
15.	and now, in the firehouse, these hands seemed gloved with blood.	Здесь, на пожарной станции, они казались руками преступника, обгаренными кровью.
16.	I lay down to rest, and dreamed that you and I, Montag, were having a furious argument about books. You threw thunder and lightning and poured quotes, and I calmly repelled your every attack.	Я прилег отдохнуть, и мне приснилось, что мы с вами, Монтэг, вступили в яростный спор о книгах. Вы метали громы и молнии и сыпали цитатами, а я спокойно отражал каждый ваш выпад.
17.	Do you know that books smell like nutmeg or some spice from a foreign land?	Книги пахнут мускатным орехом или еще какими-то пряностями из далеких заморских стран
18.	A book alighted, almost obediently, like a white pigeon, in his hands, wings fluttering.	Вот книга, как белый голубь, трепеща крыльями, послушно опустилась прямо ему в руки.
19.	They fell like slaughtered birds and the woman stood below, like a small girl, among the bodies	Журналы падали, словно подбитые птицы, а женщина стояла среди этих мертвых тел смиренно, как маленькая девочка.
20.	In the dim, wavering light, a page hung open and it was like a snowy feather, the words delicately painted thereon.	В слабом неверном свете открытая страница мелькнула, словно белоснежное перо с начертанным на нем узором слов.
21.	The books lay like great mounds of fishes left to dry.	Книги лежали, как груды свежей рыбы, сваленной на берег для просолки.
22.	Montag felt the hidden book pound like a heart against his chest.	Спрятанная книга трепетала у Монтэга под мышкой, толкалась в его грудь, как живое сердце.
23.	Books, so the damned snobbish critics said, were dishwater.	Книги – подслащенные помои. Так, по крайней мере, утверждали критики, эти заносчивые снобы.
24.	A book is a loaded gun in the house next door.	Книга – это заряженное ружье в доме соседа.
25.	Books aren't people. You read and I look around, but there isn't anybody!	Книги – это не люди. Ты читаешь, а я смотрю кругом, и никого нет!
26.	Maybe the books can get us half out of the cave.	Я не знаю, но, может быть, эти книги откроют нам глаза!
27.	Books were only one type of receptacle where we stored a lot of things we were afraid we might forget.	Книги – только одно из вместилищ, где мы храним то, что боимся забыть.

28.	To me it means texture. This book has pores. It has features. This book can go under the microscope.	Для меня это текстура, ткань книги, у этой книги есть поры, она дышит, у нее есть лицо, ее можно изучать под микроскопом,
29.	You'd find life under the glass, streaming past in infinite profusion	и вы найдете в ней жизнь, живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своем разнообразии.
30.	You can shut them, say, «Hold on a moment».	Вы можете закрыть книгу и сказать ей: «Подожди».
31.	You play God to it. But who has ever torn himself from the claw that encloses you when you drop a seed in a TV parlour?	Вы властелин книги, но кто вырвет вас из цепких когтей, которые захватывают вас в плен, когда вы включаете телевизорную гостиную?
32.	Books can be beaten down with reason.	Книгу можно победить силой разума.
33.	This afternoon I thought that if it turned out that books were worth while, we might get a press and print some extra copies	Я сегодня вот что придумал: если книги действительно так ценны, так нельзя ли раздобыть печатный станок и отпечатать несколько экземпляров?
34.	Ladies, once a year, every fireman's allowed to bring one book home, from the old days, to show his family how silly it all was, how nervous that sort of thing can make you, how crazy.	Дорогие дамы, раз в год каждому пожарному разрешается принести домой книгу, чтобы показать своей семье, как в прежнее время все было глупо и нелепо, как книги лишали людей спокойствия и сводили их с ума.
35.	I was doing a terrible thing in using the very books you clung to, to rebut you on every hand, on every point!	Я и правда поступил жестоко — использовал против вас те самые книги, за которые вы так цеплялись, использовал для того, чтобы опровергать вас на каждом шагу, на каждом слове.
36.	What traitors books can be! You think they're backing you up, and they turn on you.	Ах, книги — это такие предатели! вы думаете, они вас поддержат, а они оборачиваются против вас же.
37.	Others can use them, too, and there you are, lost in the middle of the moor, in a great welter of nouns and verbs and adjectives	И вот вы уже увязли в трясине, в чудовищной путанице имен существительных, глаголов, прилагательных.
38.	... and him all the while thinking of the women, the chaff women in his parlour tonight, with the kernels blown out from under them by a neon wind,	Монтэг думал, все время неотрывно думал о тех женщинах в его гостиной, пустых женщинах, из которых неоновый ветер давно уже выдул последние зернышки разума,
39.	and his silly damned reading of a book to them. How like trying to put out fires with water-pistols.	и о своей нелепой идиотской затее читать им книгу. Все равно что пытаться погасить пожар из водяного пистолета.
40.	... there on the floor, their covers torn off and spilled out like swan-feathers, the incredible books that looked so silly and really not worth bothering with, for these were nothing but black type and yellowed paper, and ravelled binding.	...книги с оторванными переплетами и разлетевшимися, словно лебединые перья, страницами, непонятные книги, которые сейчас выглядят так нелепо и, право же, не стоят, чтобы из-за них столько волноваться,

		просто пожелтевшая бумага, черные литеры и потрепанные переплеты.
41.	A great nuzzling gout of flame leapt out to lap at the books and knock them against the wall.	Огромный язык пламени вырвался из огнемета, ударил в книги, отбросил их к стене.
42.	The books leapt and danced like roasted birds, their wings ablaze with red and yellow feathers.	Книги подскакивали и метались, как опаленные птицы — их крылья пламенели красными и желтыми перьями.
43.	Any man who can take a TV wall apart and put it back together again, and most men can nowadays, is happier than any man who tries to slide–rule, measure, and equate the universe,	Дайте человеку прочитывать несколько рифмованных строчек, и он возомнит себя владыкой вселенной.
44.	which just won't be measured or equated without making man feel bestial and lonely.	Вы решили, что можете творить чудеса вашими книгами. А оказалось, что мир прекрасно обходится без них.
45.	Somehow he had picked up the spilled books; he didn't remember bending or touching them. He kept moving them from hand to hand as if they were a poker hand he could not figure.	Каким-то образом он подобрал рассыпанные книги, но он не помнил, как нагибался и собирал их. Сейчас он переключивал их из одной руки в другую, словно игрок карты, перед тем как сделать сложный ход.
46.	Pick up that town, almost, and flip the pages, so many pages to a person.	Его можно взять в руки, как книгу, этот городок, и полистать страницы, — столько-то страниц в голове у каждого из обитателей.
47.	We're nothing more than dust–jackets for books.	С виду мы — бродяги, но в головах у нас целые хранилища книг в головах у нас целые хранилища книг.
48.	Don't judge a book by its cover.	Не пытайтесь судить о книгах по обложкам.
49.	Chapter One of Thoreau's Walden in Green River, Chapter Two in Willow Farm, Maine.	Глава первая из книги Торо «Уолден» живет в Грин Ривер, глава вторая — в Уиллоу Фарм, штат Мэн.

Таблица 4 – метафорические модели в произведении «Чернильное сердце»

50.	The book she had been reading was under her pillow, pressing its cover against her ear as if to lure her back into its printed pages.	Под подушкой у нее лежала книга, которую она читала перед сном. Жесткий переплет упирался ей в ухо, словно заманивая ее на книжные страницы.
51.	I'm sure it must be very comfortable sleeping with a hard, rectangular thing like that under your head, her father had teased the first time he found a book under her pillow. Go on, admit it, the book whispers its story to you at night.	Как ты можешь так спать? – спросил ее отец, впервые обнаружив у нее под подушкой книгу. – Признайся, она нашептывает тебе на ухо свои истории?
52.	Its pages rustled promisingly when she opened it.	Едва она открыла ее, как страницы тут же заманчиво зашелестели.
53.	Meggie thought this first whisper sounded a little different from one book to another, depending on whether or not she already knew the story it was going to tell her	Мегги всегда казалось, что страницы каждой книги шуршат в первый раз по-своему, и это зависело от того, знала она, о чем будет рассказ, или нет.
54.	Her father raised his head and looked at her with the usual absent expression he wore when she interrupted his reading. It always took him a few moments to find his way out of that other world, the labyrinth of printed letters.	Отец поднял голову и бросил на нее отсутствующий взгляд – так он обычно смотрел, когда она отрывала его от чтения. Каждый раз ему требовалось несколько секунд, чтобы вернуться на землю из другого мира – из лабиринта букв.
55.	There were books in the kitchen and books in the lavatory. Books on the TV set and in the closet, small piles of books, tall piles of books, books thick and thin, books old and new.	Книги лежали на кухне и в туалете, на телевизоре и в шкафу, небольшие стопки и целые горы толстых, тонких, старых, новых книг.
56.	Some books should be tasted some devoured,	Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить,
57.	but only a few should be chewed and digested thoroughly.	и лишь немногие стоит разжевать и переварить.
58.	If you take a book with you on a journey, Mo had said when he put the first one in her box, an odd thing happens:	Если ты возьмешь в дорогу книгу, – сказал ей Мо, положив первую книгу в ее сундучок, – то произойдет нечто удивительное:
59.	The book begins collecting your memories. And forever after you have only to open that book to be back where you first read it.–	книга начнет собирать твои воспоминания. Позже тебе нужно будет только открыть ее, чтобы оказаться там, где ты читала ее в первый раз.
60.	... yes, books are like flypaper—memories cling to the printed page better than anything else.	Поверь мне, книги подобны липучке. Ничто не сохраняет наши воспоминания лучше книжных страниц.
61.	Her books cheered her up when she was sad and kept her from being bored while Mo cut leather and fabric to the right size and re- stitched old pages that over countless years had grown fragile from the many fingers leafing through them.	Книги ободряли ее, когда ей было грустно, и прогоняли скуку, пока Мо заново подшивал старые страницы, обветшавшие от времени и прикосновений бесчисленных пальцев.

62.	Some of her books always went away with Meggie. Others were left at home because they weren't right for where she was going or to make room for new, unknown stories she hadn't yet read.	Некоторые книги отправлялись с ней в путешествие всегда, другие оставались дома, потому что либо не совпадали с целью поездки, либо занимали место новых, еще не известных историй.
63.	You're the one who says books have to be heavy because the whole world's inside them, said Meggie, making him laugh for the first time that morning.	Ты ведь сам говоришь: книги должны быть тяжелыми, потому что в них спрятан весь мир, – ответила Мегги, и Мо впервые за это утро рассмеялся.
64.	But she'll probably end up poor as a church mouse because she spends so much money on books.	Но, вероятно, скоро она будет не богаче церковной крысы, потому что все свои деньги тратит на книги.
65.	I think she'd sell her soul to the devil without thinking twice if he offered her the right book for it.	Боюсь, она продаст и душу, если черт предложит ей за это стоящую книгу.
66.	There are probably more books in every single room of this house than you will ever read — and some of them are so valuable that I wouldn't hesitate to shoot you if you dared touch them.	Могу предположить, что в каждой комнате этого дома находится столько книг, что ты вряд ли когда-нибудь сможешь их перечитать, а некоторые из них настолько ценные, что я тебя пристрелю без колебаний, если ты посмеешь к ним прикоснуться.
67.	In the Middle Ages, thousands of books were destroyed when people cut up their bindings to make soles for shoes or to heat steam baths with their paper. The thought of such incredible abominations, even if they had occurred centuries ago, made Elinor gasp for air.	В Средние века были уничтожены тысячи книг лишь для того, чтобы шить из их переплетов подошвы для обуви или топить бани. – Элино́р тяжело задышала, вспоминая подобные гнусности, пусть и совершенные несколько столетий назад.
68.	She felt almost as if she could hear the books whispering on the other side of the half-open door. They were promising her a thousand unknown stories, a thousand doors into worlds she had never seen before. The temptation was stronger than Meggie's pride.	Она уже представила себе, что слышит шелест страниц через полуоткрытую дверь. Они обещали ей тысячи неизвестных историй, тысячи дверей в тысячи невиданных миров. Искушение было гораздо сильнее гордости Мегги.
69.	Prickly leaves twined around pale brown letters. A tiny red dragon's head was spitting out flowers over the stained paper. Riders on white horses looked at Meggie as if scarcely a day had passed since someone had painted them with tiny marten-hair brushes. A man and woman stood beside them, perhaps a bridal couple. A man with a bright red hat was looking angrily at them.	Колючие листья обвивались вокруг бледно-коричневых букв. Из красной головы крошечного дракона на бумагу извергались цветы. На Мегги смотрели всадники на белых конях, словно не прошло и дня с тех пор, как кто-то вывел их крошечной кисточкой. Рядом с ними были изображены влюбленные, возможно новобрачные. Мужчина в огненно-красной шляпе враждебно смотрел на них.
70.	More likely it was made for a very rich man to enjoy. It's almost six hundred years old. There was no missing the pride in her voice. People have committed murder for such a book.	Она была создана, чтобы доставлять удовольствие очень богатому человеку, и ей уже почти шестьсот лет. – Нельзя было не заметить гордость в голосе Элино́р. – Из-за

		этой книги было совершено смертоубийство.
71.	He was standing at one of the reading desks with a book in his hand. Its spine hung only by a couple of threads. He held it very carefully, like a bird with a broken wing.	Он стоял перед одним из пюпитров и держал в руке книгу, корешок которой висел всего на двух нитках. Он держал ее очень осторожно, как птицу со сломанным крылом.
72.	The books in the white bookcases seemed to be watching Meggie, but they said nothing to her, as if they sensed that there was only one book Meggie could think about just now.	Мегги показалось, что книги на белых полках следят за ней, но они молчали, словно чувствовали, что в тот момент Мегги думала только об одной-единственной книге.
73.	For him that stealeth, or borroweth and returneth not, this book from its owner, let it change into a serpent in his hand and rend him. Let him be struck with palsy, and all his members blasted. Let him languish in pain, crying aloud for mercy, and let there be no surcease to this agony till he sing in dissolution. Let bookworms gnaw his entrails... and when at last he goeth to his last punishment, let the flames of hell consume him for ever.	Если кто-то крадет книги или не возвращает их, одолжив на время, пусть превратится книга в его руках в ползучего гада, и да хватит его удар, и да онемеют все его члены. И да будет он громко кричать, прося пощады, и да не будет мучениям его конца. И пусть книжные черви гложут его внутренности, а последним наказанием его станет вечная Геенна огненная.
74.	You know that. They're my children, my inky children, and I look after them well. I keep the sunlight away from their pages, I dust them and protect them from hungry bookworms and grubby human fingers.	Ты ведь знаешь, это мои дети, мои чернильные дети, и я радею и забочусь о них: оберегаю их от солнечного света, стираю с них пыль, защищаю от грязных пальцев.
75.	She caught a last glance of Elinor standing there looking at the book lovingly, the way Mo sometimes looked at her when he put her to bed in the evening.	У двери она бросила последний взгляд на Элинор, которая смотрела на книгу с такой нежностью, с какой Мо часто смотрел на Мегги, накрывая ее одеялом перед сном.
76.	Dustfinger's face was a closed book, and Meggie had the feeling that if anyone tried reading it he would rap their knuckles.	Его лицо было подобно закрытой книге, и Мегги показалось, что он ударит по пальцам каждого, кто попытается в ней что-то прочитать.
77.	The morning sunlight was already filtering through the cracks of the shutters, but it was as silent in the big house as if even the books on the shelves were sleeping.	Утреннее солнце уже пробивалось сквозь щели ставней, но в большом доме было так тихо, что казалось, будто даже книги на полках уснули.
78.	For a few days after such a threat she would put her book under her pillow around nine in the evening and let it go on whispering to her in her dreams, so that Mo could feel he was being a really good father.	На протяжении нескольких дней вечером она прятала книгу под подушку, чтобы она нашептывала ей ночью свои истории, а Мо мог почувствовать себя хорошим отцом.

79.	She wouldn't have put this book under her pillow for fear of what it might whisper to her. For the very first time in her life Meggie wasn't sure that she wanted to enter the world waiting for her between the covers of a book.	Эту же книгу она ни за что бы не спрятала под подушкой из-за страха перед тем, что она могла бы ей нашептать.
80.	All the bad things that had happened over the last three days seemed to have come out of this book, and perhaps they were only a faint reflection of what still awaited her inside it.	Все несчастья, случившиеся за эти три дня, похоже, сошли с ее страниц, и, может быть, это было всего лишь тенью того ужаса, который ждал ее впереди.
81.	Dustfinger took out the flashlight from under his coat and shone it on them. Look at that! he murmured. "What beauties! Like a party of ladies dressed in their best to go to a prince's ball.	Сажерук достал из кармана пальто фонарик и осветил внутрь. –Вы только посмотрите! – прошептал он. – Что за красота! Словно пышно разодетые дамы на балу у князя!
82.	The book Dustfinger was looking for was right at the bottom. With its silvery green binding it looked plain, a poor thing among all the other grand and lordly volumes.	Книга, которую искал Сажерук, лежала в самом низу. В серебристо-зеленом переплете, она выглядела очень скромно, словно нищий среди роскошно одетой знати.
83.	It didn't surprise Dustfinger that Silvertongue had given this book such a plain dress to wear.	То, что Волшебный Язык наделил эту книгу таким скромным туалетом, нисколько не удивляло Сажерука.
84.	He had no idea how long he had been standing there, his eyes lost in the labyrinth of letters. He had always been a very slow reader.	Он не знал, сколько он так простоял, потерявшись в лабиринте букв. Он так и не научился читать быстро
85.	Sometimes she managed to glance at strangers from oncoming cars, but their faces instantly fled into the distance, like a book that was opened and then closed.	Иногда ей удавалось бросить взгляд на незнакомцев из встречных машин, но их лица мгновенно уносились вдаль, словно книга, которую открыли и тут же закрыли.
86.	She's a real bookworm. I think she lives on print. Her whole house is full of books — looks as if she likes them better than human company."	Я думаю, она только буквами и питается. Её дом ломится от книг. Она, несомненно, предпочитает их общество обществу людей.
87.	What a coward she was after all! She tried to think of some hero out of one of her books, someone whose skin she could slip into, to make her feel stronger, bigger, braver.	Какая же она трусиха! Она старалась вспомнить какого-нибудь отважного книжного героя, перевоплотиться в него, чтобы почувствовать себя сильнее, выше ростом, бесстрашнее...
88.	I tried again and again during the days and nights that followed, until my eyes were burning and the letters danced drunkenly on the page.	В последующие дни и ночи я вновь и вновь пробовал читать вслух, пока не почувствовал резь в глазах, а буквы не заскакали по страницам, как пьяные.
89.	We both know what happiness it is to dive into a book and live inside it for some time, but to part with your story and get into our world - this, apparently, does not bring happiness to anyone.	Мы оба знаем, какое это счастье — нырнуть в книгу и какое-то время жить внутри неё, но расстаться со своей историей и попасть в наш мир — это, как видно, никому не приносит счастья.

90.	It turns out that the best thing about books is that you can close them whenever you want	Выходит, самое лучшее в книгах – это то, что их можно захлопнуть, как только ты этого захочешь.
91.	He wanted to shove a marshmallow on a stick in the furnace, while the flapping pigeon-winged books died on the porch and lawn of the house. While the books went up in sparkling whirls, and blew away on a wind turned dark with burning	. и больше всего ему хочется сделать сейчас то, чем он так часто забавлялся в детстве, – сунуть в огонь прутик с леденцом, пока книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом; они взлетают в огненном вихре, и чёрный от копоти ветер уносит их прочь.
92.	She listened to Elinor's breathing, and her father's, and more than anything wished for a candle — and a book to keep the fear away.	Она прислушивалась к дыханию Элинор и своего отца и мечтала только о свече – и о книге, которая могла бы этот страх прогнать.
93.	And as for the book, Capricorn looked at «Inkheart» as disapprovingly as if it were biting his fingers, “this extremely annoying, stupid and long-winded little book, I can assure you: in the future I will not allow myself to be embroiled in such a story.	А что касается книги, – Каприкорн посмотрел на «Чернильное сердце» так неодобрительно, словно оно кусало его за пальцы, – этой чрезвычайно докучливой, дурацкой и многоречивой книжонки, то могу тебя заверить: впредь я не позволю впутать себя в подобную историю.
94.	Dustfinger looked longingly at the books as a man dying of thirst might look at the last glass of water in existence.	Сажерук смотрел на книги, как умирающий от жажды на последний стакан воды.
95.	You know what they say: When people start burning books they'll soon burn human beings.	Ты ведь знаешь изречение: «Там, где сжигают книги, скоро будут гореть люди».
96.	At least the poor fool does know his way around books — he lives in them like one of those pale worms that feed on paper.	В книгах этот бедняга действительно толк знает, он живёт в них, словно один из тех бледных червей, что питаются бумагой.
97.	The magic is in books, and I know no more about its mechanism than you or your people.	Волшебство заключено в книгах, и о его механизме я знаю не больше тебя или твоих людей.
98.	This is an endless book, he muttered, opening it. You know, Meggie, the Arabs say that no one has ever managed to read it to the end.	Это бескрайняя книга, – пробормотал он, открывая её. – Ты знаешь, Мегги, арабы говорят, что ещё никому не удавалось дочитать её до конца.
99.	But the food couldn't cut short the endless hours, any more than full stomachs dispelled their fear of what the next day might bring. Perhaps not even a book would have done it, but there was no point thinking of that.	Ещё меньше полный желудок мог прогнать страх перед завтрашним днём. Возможно, это было бы под силу какой-нибудь книге, но о ней не стоило и мечтать.
100.	I'm dying of longing for my books.	Я умираю от тоски по моим книгам
101.	I remember the feeling. Whenever my father got so absorbed in a book that we might have been invisible I felt like taking a pair of scissors and cutting it up. And now, I'm as mad about them as he was.	Я помню это ощущение. Всякий раз, когда мой отец так углублялся в какую-нибудь книгу, что переставал нас замечать, мне очень хотелось порезать её ножницами. А

		теперь? Теперь я такая же чокнутая, как и он.
102.	Is one book enough for a bookworm like you?	Разве такому книгоглотателю, как ты, хватит одной-единственной книги?
103.	Meggie stroked the binding of the book again. She thought she heard her whisper.	Мегги опять погладила переплёт книги. Ей почудилось, что она слышит её шёпот. Тихий – тихий.
104.	He lured them from the pages, and the words seemed to be just waiting to hear his voice – long and short, biting and soft, purring, cooing words. They circled around the room, formed into pictures made of multi-colored glass and tickled the skin.	Он выманивал их со страниц, а слова будто только и ждали, чтобы услышать его голос, – длинные и короткие, колкие и мягкие, мурлыкающие, воркующие слова. Они кружились по комнате, складывались в картинки из разноцветного стекла и щекотали кожу.
105.	The little boy was still clinging to his leg like a monkey, and pushed open the door to the kitchen, where the ruins of a cake stood on the table. Its brown icing was as full of holes as the binding of a book when bookworms have been gnawing at it for years.	Он распахнул дверь в кухню, где на столе стояли развалины пирога. Коричневая корка была вся в дырочках, словно переплёт книги, который долгие годы грызли книжные черви.
106.	Silvertongue's face always showed his feelings; he was an open book, which any stranger could read.	У Волшебного Языка все мысли всегда написаны на лице, он похож на вечно открытую книгу, страницы которой может читать кто угодно.
107.	Your books will greet you. And this is quite enough.	Тебя поприветствуют твои книги. И этого вполне достаточно.
108.	In all the rooms they threw books from the shelves and trampled on them like rugs for wiping their feet.	Они во всех комнатах побросали книги с полок и потоптали их, точно коврики для вытирания ног.
109.	The bookworm woman had gotten out, too. She stood beside the car looking grim.	. Пожирательница книг тоже вышла из машины, лицо у неё было разъярённое.
110.	What had the silly bookworm woman expected?	А чего она ждала, эта книгоманка?
111.	I can give books new bindings, rejuvenate them a little, stop the bookworms from eating them, and prevent them from losing their pages over the years like a man loses his hair.	Я могу дать книгам новые переплеты, немного омолодить их, не дать книжным червям съесть их и предотвратить потерю страниц с годами, как человек теряет волосы.
112.	What were they to him, Silvertongue and his daughter, the boy, the bookworm, and the woman who was another man's wife once more?	Какое дело было ему до них до всех, до Волшебного Языка и его дочери, до Любительницы Книг и до женщины, которая снова принадлежала другому!
113.	The boy will keep his knife pressed at your bookworm friend's chest until you're back here with us.	Мальчишка не отведёт нож от сердца твоей любительницы книг, пока ты к нам не вернёшься.
114.	Books loved anyone who opened them, they gave you security and friendship and didn't ask anything in return; they never went away, never, not even when you treated them badly. Love, truth, beauty,	Книги – единственное место, где можно найти сочувствие, утешение, счастье... и любовь. Книги любили всякого, кто их открывал, становились защитниками и друзьями, не требуя ничего взамен, и

	wisdom, and consolation against death. Who had said that? Someone else who loved books.	никогда не покидали даже тех, кто плохо с ними обращался. «Любовь, истина, красота, мудрость и утешение перед лицом смерти». Кто это сказал? Кто-то, как и она, беззаветно влюблённый в книги.
115.	They burned beautifully, like the very best firewood, and their pages — ah, they quivered like pale little fingers.	Как же они здорово горели, как первосортные дрова, а страницы в них при этом дрожали, как бледные пальчики.
116.	She remembers him from early childhood — how her father picks up a book, gently runs his hand over the binding and opens it, like a chest filled to the brim with unprecedented treasures.	Она помнит его с самого раннего детства — как отец берёт в руки книгу, ласково проводит рукой по переплёту и открывает её, словно сундук, до краёв полный невиданных сокровищ.
117.	And where better could she learn that trade than in a house full of magical creatures, where fairies built their nests in the garden and books whispered on the shelves by night?	А где можно освоить её лучше, чем в доме, где феи строили гнёзда в саду, а книги шептались по ночам на полках библиотеки?

Таблица 4 – Метафорические модели в произведении «Воровка книг»

118.	This is a book about the power of words and the ability of books to nourish the soul.	Это книга о силе слов и способности книг вскармливать душу.
119.	It will be read everywhere and admired.	Книгу будут читать повсюду и восхищаться.
120.	it tells a story in which books become treasures.	которой книги становятся сокровищами.
121.	An elegant, philosophical and touching book.	Элегантная, философская и трогательная книга. Прекрасная и очень важная.
122.	Such books are life-changing because, while not denying the inherent immorality and contingency of the natural order, they offer us hard-won hope.	Такие книги способны изменить жизнь, потому что, не отрицая внутренне присущей аморальности и случайности естественного порядка вещей, предлагают нам с таким трудом завоеванную надежду.
123.	Young readers need such alternatives to ideological dogmas and such discoveries of the importance of words and books.	Юным читателям нужны такие альтернативы идеологическим догматам и такие открытия важности слов и книг.
124.	Her book was stepped on several times as the cleanup began, and although orders were given only to clear the mess of concrete, the girl's most precious item was thrown aboard a garbage truck.	Когда началась расчистка, на ее книгу несколько раз наступили, и хотя команда была расчищать только бетонную кашу, самую драгоценную вещь девочки закинули в грузовик с мусором.
125.	When she came to write her story, she would wonder exactly when the books and the words started to mean not just something, but everything.	Решив записать свою историю, она задалась вопросом, в какой момент книги и слова стали не просто что-то значить, а значить все.
126.	On her first night with the Hubermanns, she had hidden her last link to him—The Grave Digger's Handbook—under her mattress, and occasionally she would pull it out and hold it.	В первую ночь у Хуберманов Лизель спрятала свою последнюю память о брате – «Наставление могильщику» – под матрасом и теперь доставала книгу иногда, просто подержать в руках.
127.	The point is, it didn't really matter what that book was about. It was what it meant that was more important.	На самом деле ей было все равно, о чем эта книга. Важно было то, что она значит.
128.	Distinctly in the silence of the night, the book opened up – it was flung up by the wind.	Отчетливо в ночной тиши книга раскрылась – взметнула ветром.
129.	They enjoyed a good book-burning, all right—which gave people who were partial to books the opportunity to get their hands on certain publications that they otherwise wouldn't have.	Хороший костер из книг всегда был им по душе – а тому, кто равнодушен к книгам, это давало возможность наложить руки на какие-то издания, которых иначе никак было не занять.
130.	From further away, it looked like something volcanic.	С расстояния куча походила на что-то вулканическое.
131.	Or something grotesque and alien that had somehow landed miraculously in the middle of town and needed to be snuffed out, and fast.	Или причудливое и нездешнее, непостижимым образом приземлившееся на середине площади, – такое, что нужно прихлопнуть, и поскорее.
132.	After all, her three books were the most precious items she owned.	В конце концов, три книги были у нее самой большой драгоценностью.

133.	To their left, flames and burning books were cheered like heroes.	Слева от них толпа приветствовала пламя и горящие книги, как героев.
134.	She remained on the steps, waiting for Papa, watching the stray ash and the corpse of collected books.	Лизель сидела на ступеньках, дожидаясь Папу, смотрела на разлетающийся пепел и труп собранных книг.
135.	Some might say it's a miracle that Liesel had this book at all.	Кто-то может сказать: это чудо, что у Лизель вообще появилась эта книга.
136.	Papa looked at the title, apparently wondering what kind of danger this book could pose for the minds and souls of the German people.	Папа рассматривал заглавие, видимо гадая, какого рода опасность могла таить эта книга для умов и душ немецкого народа.
137.	“This is our secret, this book. We’ll read it at night or in the basement, just like the others.	– Это будет наша тайна – вот эта книга. Мы будем читать ее по ночам или в подвале, как остальные.
138.	When she came and stood with an impossibly frail steadfastness, she was holding a tower of books against her stomach, from her navel to the beginnings of her breasts.	Когда она подошла и стояла с невероятно хрупкой стойкостью, она прижала к своему животу башню книг, от пупка до начала груди.
139.	She said it out loud, the words distributed into a room that was full of cold air and books. Books everywhere! Each wall was armed with overcrowded yet immaculate shelving. It was barely possible to see the paintwork. There were all different styles and sizes of lettering on the spines of the black, the red, the gray, the every-colored books. It was one of the most beautiful things Liesel Meminger had ever seen.	Она произнесла это вслух, и слова разнеслись по комнате, наполненной холодным воздухом и книгами. Книги повсюду! Каждая стена была уставлена переполненными, но безупречными стеллажами. Краску почти не было видно. На корешках черных, красных, серых и разноцветных книг были надписи разных стилей и размеров. Это была одна из самых прекрасных вещей, которые Лизель Мемингер когда-либо видела.

140.	She ran the back of her hand along the first shelf, listening to the shuffle of her fingernails gliding across the spinal cord of each book.	Она провела тыльной стороной ладони по первой полке, прислушиваясь к шуршанию ногтей, скользящих по спинному мозгу каждой книги.
141.	It sounded like an instrument, or the notes of running feet. She used both hands. She raced them. One shelf against the other. And she laughed.	Это звучало как какой-то инструмент или как ноты бегущих ног. Она использовала обе руки. Она гоняла их. Одна полка напротив другой. И она засмеялась.
142.	She walked over and did it again, this time much slower, with her hand facing forward, allowing the dough of her palm to feel the small hurdle of each book. It felt like magic, like beauty, as bright lines of light shone down from a chandelier.	Она подошла и сделала это снова, на этот раз гораздо медленнее, повернув рукой вперед, позволяя тесту на ладони ощущать небольшое препятствие каждой книги. Это было похоже на волшебство, на красоту, когда яркие линии света падали на люстру.
143.	He clicked open the case as quietly as he could and planted the book like a bomb.	Он открыл футляр так тихо, как только мог, и вложил книгу, как бомбу.
144.	At times, Liesel wondered if she should simply leave the woman alone, but Ilsa Hermann was too interesting, and the pull of the books was too strong.	Временами Лизель задавалась вопросом, не стоит ли ей просто оставить эту женщину в покое, но Ильза Герман была слишком интересна, а притяжение книг было слишком сильным.
145.	You can't eat books, sweetheart.	«Тебе нельзя есть книги, дорогая».

146.	<p>She was home, among the mayor's books of every color and description, with their silver and gold lettering.</p> <p>She could smell the pages. She could almost taste the words as they stacked up around her.</p>	<p>Она была дома, среди книг мэра всех цветов и описаний, с серебряными и золотыми буквами.</p> <p>Она чувствовала запах страниц. Она почти могла ощутить вкус слов, пока они складывались вокруг нее.</p>
147.	<p>To her right, a book protruded like a bone. Its paleness was almost scarred by the dark lettering of the title.</p>	<p>Справа от нее, как кость, торчала книга. Её бледность почти искажалась темным шрифтом названия.</p>
148.	<p>Those images were the world, and it stewed in her as she sat with the lovely books and their manicured titles.</p>	<p>Этими образами был весь мир, и он кипел в ней, пока она сидела с прекрасными книгами и их ухоженными названиями.</p>
149.	<p>It brewed in her as she eyed the pages full to the brims of their bellies with paragraphs and words.</p>	<p>Это назревало в ней, когда она смотрела на страницы, до краев заполненные абзацами и словами.</p>
150.	<p>As you can see, I have been in your library again and I have ruined one of your books. I was just so angry and afraid and I wanted to kill the words. I have stolen from you and now I've wrecked your property.</p>	<p>Как видите, я снова была в вашей библиотеке и испортила одну из ваших книг. Я была так зла и напугана, что хотел убить слова. Я украла у вас книги, а теперь разрушила ваши владения.</p>